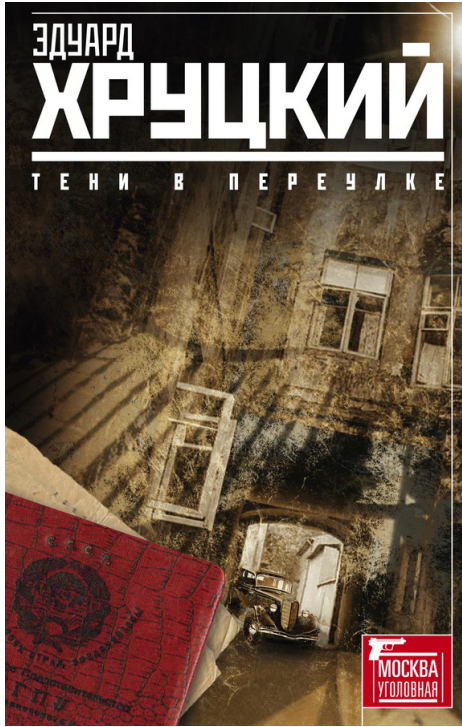

Эдуард Анатольевич Хруцкий

Тени в переулке (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9807238

Тени в переулке. История криминальной Москвы / Эдуард Хруцкий.: Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05136-3, 978-5-227-05134-9

Аннотация

Эдуард Хруцкий хорошо известен как автор детективно-приключенческих произведений. В книге «Тени в переулке» собраны потрясающие истории из жизни Москвы второй половины XX века: самых громкие и шумевшие криминальные дела в столице и не только. Вы узнаете, как играл на бильярде в гостинице «Москва» Василий Сталин, какую любовницу подставил КГБ французскому послу, какие были в Москве подпольные игорные дома и что делал товарищ Сталин на Западном фронте.

Содержание

Прогулка в прошлое	4
Глава 1	4
Запрещенное танго	4
Магия заштопанного экрана	11
Засчитывается по последнему	16
Смертельный раунд	22
Глава 2	32
Приговорен к повешению	32
Дача в Сокольниках	38
Ночь перед расстрелом	44
Убит в перестрелке	51
Король Молдаванки	57
Глава 3	64
Рассвет в дюнах	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эдуард Анатольевич Хруцкий

Тени в переулке. История криминальной Москвы

Прогулка в прошлое

Глава 1 Ностальгия

Запрещенное танго

...А потом я проснулся. Машина стояла под светофором на Пушкинской площади. Уже стемнело, и электрические елочки, висящие на проводах, горели весело и беззаботно. На бульваре у зажженной елки топтался народ, в витринах магазинов стояли деды-морозы и красовался плакат «С Новым, 1974 годом».

Мелодию мы услышали на полпути к левому повороту в проезд МХАТа. Из огромных репродукторов, установленных на здании Центрального телеграфа, вместо привычного в праздничные дни текста «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди», Иосиф Кобзон пел знаменитое танго Оскара Строка «Скажите, почему?».

– Ты подумай, – засмеялся мой товарищ Боря Вдовин, с которым мы «напрягались» далеко от Москвы, – никак, пока нас не было, власть переменялась.

– Ничего не менялось, – пояснил разбитной московский таксист лет под шестьдесят, – просто Кобзон Лещенко поет.

Летом сорок пятого во дворе горит прилаженная ребятами-фронтовиками стосвечовая лампа, а на окне второго этажа стоит радиолка «Телефункен» с зеленым подмигивающим глазом индикатора, и бывший младший лейтенант Воля Смирнов ставит на крутящийся диск пластинки Лещенко.

В нашем дворе пользовались успехом веселые песни. По несколько раз крутили «У самовара я и моя Маша», «Дуня, люблю твои блины» и знаменитый «Чубчик».

Из нашего двора на фронт ушло много ребят, и им повезло, почти все вернулись.

Уходили они пацанами-школьниками, а пришли решительными крутыми мужиками, посмотревшими Берлин и Франкфурт, Варшаву и Краков, Братиславу и Прагу, Вену и Будапешт, Харбин и Порт-Артур.

Они увидели, как жили люди в этих загадочных городах, и с большим изумлением поняли, что много лет подряд, на пионерских сборах, комсомольских собраниях и армейских политзанятиях, им чудовищно лгали о самой счастливой стране на планете.

В странах, которые они освобождали, люди жили богаче и веселей, даже несмотря на военное лихолетье.

Вдруг выяснилось, что велосипеды В-СА лучше наших, мотоциклы «цундап» дают сто очков вперед «ковровцам», а лучшие наручные часы ЗИЧ, величиной с розетку для варенья и толщиной с висячий дверной замок, не идут ни в какое сравнение с немецкими штамповками.

Воздуха свободы плотнули молодые ребята, мир увидели.

Увидели, и не в пользу любимой родины оказалось это сравнение.

Страна встретила их теснотой коммуналок, тяжелой работой, скудным бытом.

Только вечерами, на затоптанном пятачке, они танцевали под привезенные из далекой Европы мелодии, и вместе с воспоминаниями о самых страшных годах приходило чувство утраты другой, счастливой жизни.

И вечерами, танцуя под лихой «Чубчик», вспоминали набережные Дуная и узкие улочки Кракова.

Но однажды «Чубчик» перестал звучать в нашем дворе.

Много позже Воля Смирнов, ставший известным московским адвокатом, рассказал мне, что как-то вечером к нему пришли трое. Они достали красные книжечки с золотым тиснением трех букв «МГБ».

– Слушай, парень, – сказал старший, – ты фронтовик, у тебя пять орденов, поэтому мы пришли к тебе, а не выдернули к нам. Кончай антисоветскую агитацию.

– Какую? – страшно удивился Воля.

– Лещенко перестань крутить, белогвардейца и фашистского прихвостня.

– Так я не знал! – Воля Смирнов немедленно понял, сколько лет можно получить по любому пункту предъявленного обвинения.

– Я тоже когда-то не знал, – миролюбиво сказал старший, – а потом мне старшие товарищи разъяснили. Сдай антисоветчину.

Воля достал из шкафа пять пластинок Лещенко.

– Пошли на лестницу, только молоток возьми. Они вышли на площадку, и старший молотком рас колот пять черных дисков.

– Это чтобы ты не думал, Смирнов, что мы их себе забираем. Не был бы ты фронтовиком, поговорили бы по-другому.

Радиола замолкла, но в сорок шестом вернулся после госпиталя домой любимец двора, певец и аккордеонист Боря по кличке Танкист. Каждый вечер он выходил с аккордеоном во двор, играл Лещенко. И приплясывала бесшабашная мелодия «Чубчика». И ребята танцевали под нее, а не под песни в исполнении Бунчикова.

Теперь я понимаю, что знаменитый дуэт Бунчиков и Нечаев пел весьма прилично.

Иногда на волнах радиостанции «Ретро» они вновь приходили ко мне, и я слушал их песни с ностальгической грустью.

Но тогда я не любил их. Особенно после 1947 года, когда «здоровые силы советского общества вывели на чистую воду безродных космополитов».

Каждое утро Бунчиков и Нечаев провожали меня в школу сообщением о том, что «летят перелетные птицы в осенней дали голубой». А вечером они мне бодро пели о том, как «едут, едут по Берлину наши казаки».

Но мы хотели слушать Лещенко. На Тишинском рынке из-под полы испытые мужики продавали его пластинки, которые неведомым путем попадали к нам из Румынии, но стоили они от ста до двухсот рублей. Для нас, пацанов, это была неподъемная цена.

У моего дружка и коллеги по боксу, а ныне известного писателя Вали Лаврова была трофейная установка «Грюндиг», на которой можно было записывать пластинки. Но для этого требовалось раздобыть рентгеновскую пленку.

Лучшей считалась немецкая желтая АГФА, ее продавали больничные санитары по два рубля за штуку. Использованная, с изображением болезней легких, опухолей желудка, стояла на рубль меньше.

Валя записывал нам песни Лещенко, но репертуар был небогатый. Оговорюсь сразу, писал он нам запрещенные танго совершенно бескорыстно, так как считал, что торговать «ребрами» – дело недостойное.

По воскресеньям мы ехали до метро «Аэропорт», а потом на трамвае до Коптевского рынка: там располагался лучший в Москве музыкальный ряд. Настоящие пластинки стоили невероятно дорого, но мы покупали «ребра».

Нас консультировали друзья Вали Лаврова, уже тогда среди пацанов считавшиеся крупными музыкальными коллекционерами: Юра Синицын и Слава Позняков. Они безошибочно на глаз определяли качество записи. С ними консультировались даже солидные коллекционеры.

Мы мечтали накопить денег и купить подлинные пластинки Лещенко, записанные перед войной рижской фирмой «Беллокорд». Мы были еще пацанами и копили эти деньги, отказываясь от кино и мороженого.

Сегодня я часто думаю: почему нам все это запрещали? Кто конкретно в доме на Старой площади подписывал бумаги, определяющие, что мы должны читать, смотреть в кино, под какую музыку танцевать и что носить?

Когда-то один партдеятель, с которым я беседовал о роли комсомола в Великой Отечественной войне, угощая меня чаем с сушками, сказал, что они свято выполняли указания Сталина.

Но мне все-таки не верится, что человек, руководивший огромной страной, занимался бы пластинками Лещенко. Хотя все может быть. Кто знает, о чем думал автор бессмертного труда «Марксизм и вопросы языкознания»?

Из Риги приехал дядя, его вызвали в Москву на какое-то важное совещание. Я ему продемонстрировал свое богатство: коллекцию пластинок, записанных на «ребрах».

Дядька послушал песни Лещенко, сопровождавшиеся змеиным шипением. Качества звука при записи на рентгеновскую пленку добиться было невозможно. Дядька засмеялся и пообещал прислать из Риги набор пластинок фирмы «Беллокорд».

Так я стал обладателем несметного богатства.

Последнее дачное лето. 1950 год. Купание, волейбол до полного изнурения и, конечно, танцы по вечерам.

Свет с террасы дачи, звук радиолы, пары, старающиеся уйти из светового пятна в спасительную мглу кустов орешника.

И снова танго.

В последних астрах печаль хрустальная жила...

Господи, что я мог знать о «хрустальной печали»?

Но странная магия этих слов почему-то вызывала нежную грусть.

Почему? Ведь в моей жизни все было прекрасно. Красивая веселая мама, окруженная толпой поклонников, и отец еще был жив, и у меня была прелестная девушка с золотистыми волосами и огромными светлыми глазами, изумленно и весело смотрящая на мир.

Но «хрустальная печаль» преследовала меня, заставляла иначе смотреть на жизнь.

И мне хотелось встречаться с любимой девушкой не на дачной платформе Раздоры, а как на пластинке Петра Лещенко:

Встретились мы в баре ресторана...

Александр Вертинский с его желтым ангелом, спустившимся с потухшей елки в зал парижского ресторана, был для нас слишком изыскан, а Петр Лещенко – свой, с нашего двора, как Боря Танкист.

Ведь недаром в компаниях и на дворовых танцульках люди кричали:

– Поставь Петю Лещенко.

Петю, а не Петра Константиновича. Он стал данностью послевоенных лет.

Дачное лето пятидесятого было последним счастливым летом моей молодости. В августе застрелился отец, ожидавший ареста, как и многие, полжизни проработавшие за границей. Он очень любил жизнь, был острословом и гулякой и решился на этот страшный шаг, надеясь вывести из-под удара МГБ свою семью.

И наступил самый тяжелый период моей молодости. Меня перестали приглашать, некоторым моим товарищам родители запретили со мной общаться. Это уже детали. Настоящие друзья все равно остались со мной.

И украсило те годы, вместе с книгами Константина Паустовского, Алексея Толстого, Вениамина Каверина, танго Оскара Строка в исполнении певца из Бессарабии.

На улице Станиславского жил мой приятель Леня Калмыков. У него была двухкомнатная большая квартира в старом доме. Родители его, геологи, уходили в поле ранней весной и возвращались ближе к зиме.

Леня жил один, на нашем языке «имел хату». Вот на этой «хате» и собиралась веселая компания.

Пили мало, пьянство еще не вошло в моду. Обычно мы в погребеке «Молдавские вина» на улице Горького покупали самое дешевое красное вино, и студент журфака МГУ Валерий Осипов варил «гонококовку», так он именовал глинтвейн.

Много сахара, вино, вода и, конечно, фрукты.

У Калмыковых-старших было много пластинок Лещенко, Вертинского и каких-то еще эмигрантских певцов, фамилии их стерлись из памяти. Помню, один из них пел любимую нашу песню «Здесь под небом чужим я как гость нежеланный...».

Забавно, что я понял, почему мы любили эту песню, значительно позже. Видимо, мы все были нежеланными гостями в Москве.

Мы танцевали, пили глинтвейн, крутили легкие романы, не зная, что над нашей компанией сгущаются тучи.

Однажды ко мне прямо с тренировки прибежал Валера Осипов.

– Поганые дела, брат, – сообщил он.

– А что случилось?

– Меня вызвали в комитет комсомола, и там какой-то хрен выпрашивал меня о Ленкиной квартире, кто в ней собирается, о чем говорят, какие пластинки слушают.

– Ну а ты?

– Сказал, что иногда заходим в гости, пьем чай, Утесова слушаем.

– А он?

– Не поверил. А через несколько дней Леню Калмыкова разбирали на комсомольском собрании института. Обвинение выдвинули тяжелое: пропаганду чуждой идеологии.

Главным козырем обвинения были танго Лещенко.

Мол, Леня собирает у себя московских стилиг, и они слушают запрещенные песни певца, арестованного нашими органами, как фашистского пособника и шпиона.

Комсомольский вождь потребовал у Лени назвать фамилии тех, кто вместе с ним слушал певца-шпиона, и покаяться перед комсомолом.

Леня отказался.

За то, что он не разоружился перед комсомолом и не назвал имена пособников, Калмыкова исключили из комсомола и отчислили из института.

В те годы это было равно гражданской смерти. Следующим действием, видимо, должен был стать арест и привоз на Лубянку.

В тот же день прилетел Ленин отец, он уж точно знал, чем может закончиться для сына безобидное увлечение песнями Лещенко. Он забрал Леню с собой, оформив техником в геолого-разведочную партию.

Я забыл сказать о главном. В комнате Лени висел портрет Петра Лещенко, переснятый с пакета пластинки.

И это поставили ему в вину. В те годы на стенах должны были висеть только изображения обожествляемых вождей.

Через много лет, в семьдесят шестом, мы вновь собрались на кухне квартиры известного геолога, лауреата Госпремии Леонида Калмыкова, и хотя нас стало меньше, комната стала теснее. Погрузили мы, раздались – один лишь бывший чемпион Международных студенческих игр баскетболист Валера Осипов весил под двести килограммов.

Мы сварили все тот же глинтвейн, только водки добавили для крепости. Смотрели на портрет Лещенко и слушали его пластинки.

То ли время помяло нас сильно, то ли постарели мы, но не действовала на нас «печаль хрустальная».

А может быть, отчасти в запрете этой музыки и было ее необычайное обаяние?

Может быть.

Мы слушали танго Лещенко и вспоминали молодость.

И воспоминания наши были светлы и добры. Как будто не выгоняли Леню Калмыкова из института, как будто у каждого из нас отцы не попали под тяжелый абакумовский каток.

Почему-то плохое забывается быстрее, а может, мы сами гоним от себя эти воспоминания, боясь, что все может повториться опять.

* * *

Ах, Петр Лещенко, Петр Лещенко! Он погиб в лагере в социалистической Румынии, не зная, что стал кумиром нескольких поколений своих соотечественников.

Песни его любили все. Мои соседи по дому на Грузинском Валу, работяги из депо Москва-Белорусская и люди, обремененные властью.

Последним разрешалось слушать кого угодно и держать дома любые пластинки. Мне несколько раз приходилось бывать в таких домах, где дети полувождей крутили на роскошных радиолх Лещенко, Глена Миллера, Дюка Эллингтона, заграничные записи Александра Вертинского. Им было можно все, но до той минуты, пока ночью в их дом не приезжали спокойные ребята с Лубянки и не уводили хозяев во внутреннюю тюрьму. Тогда немецкий шпион Петя Лещенко становился еще одной уликой в сфабрикованном деле.

В те годы любовь к песням Лещенко многим принесла неприятности, даже уголовникам. Именно пластинки популярного певца помогли сыщикам МУРа обезвредить банду Виктора Довганя, одну из самых опасных в 1952 году.

Была такая организация ГУСИМЗ, которую возглавлял небезызвестный генерал МГБ Деканозов. В переводе с чиновничьего на русский контора эта называлась Главное управление советских имуществ за границей.

Имущества у нас тогда за кордоном было навалом – все, что забрали как военные трофеи и в счет послевоенных репараций.

Работать в этой конторе считалось для начальников золотым дном, так как учесть все трофеи никакой возможности не было.

На казенной даче в Одинцове жил генерал, один из заместителей Деканозова. Дача была большая, двухэтажная и полная трофейного добра. Как мне потом рассказывали сыщики, ковры на стенах висели в два слоя и таким же образом лежали на полу.

Вполне естественно, что этот важный объект охранялся.

И вот однажды к воротам дачи подкатили два грузовика «студебеккер» с солдатами. Командовали ими три веселых лейтенанта. Они разъяснили охранникам, что генерал получил новую дачу в Барвихе, а им поручено перевезти туда генеральское имущество.

Охранникам были предъявлены соответствующие документы.

Но бдительность всегда была оружием советского человека, и старший охранник решил перестраховаться и позвонить начальству. Но сделать этого он не смог. Веселые ребята оглушили всех резиновыми шлангами, в которые был залит свинец, и связали.

После этого началась погрузка. Никто из соседей не удивился, что военные носят вещи в машину на генеральской даче.

Когда охранники очнулись, сумели освободиться и добрались до телефона, была уже ночь.

На место преступления выехал лично замначальника УГРО Московской области подполковник Игорь Скорин.

Ничего радостного на даче в Одинцове он не увидел.

Охранники с трудом пересказали приметы веселых лейтенантов, сотрудники ОРУД добросовестно сообщили маршрут «студебеккеров» до Дорогомиловской заставы, а там их след затерялся в переулках и проходняках.

А на следующий день прилетели из поверженной Германии генерал с генеральшей.

Оказывается, замначальника ГУСИМЗ был личным другом всеильного замминистра госбезопасности Богдана Кобулова, и поэтому он пообещал разжаловать Скорина в сержанты и поставить на перекресток махать палочкой.

Составить опись похищенного тоже оказалось не простым делом. Генеральша точно не помнила, сколько добра было на даче. Но кое-что она все-таки описала.

Судя по ее сбивчивому рассказу, взяли лихие ребяташки барахла немерено.

Две вещи заинтересовали Скорина. Инкрустированный серебряный браунинг «лилипут» калибра 4,25 и привезенное в подарок сыну и спрятанное до его дня рождения полное собрание пластинок Петра Лещенко в четырех специальных чемоданчиках красной кожи с металлическими буквами «Беллокорд».

Это уже была достаточно редкая по тем дням зацепка.

Как известно, преступления раскрываются не при помощи дедукции и осмотра следов через лупу. Главное оружие опера – агент и кулак.

Агентура у Игоря Скорина была первоклассная. Он умел работать с этим сложным и весьма ранимым контингентом.

И вот однажды на плановой встрече агент рассказал оперу, что весь цвет блатной Москвы собирается в Зоологическом переулке на блатхате, которую держит Валентина Цыганкова по кличке Валька Акула. Приходят серьезные московские воры не просто выпить, а послушать пластинки Пети Лещенко, которые Акуле подарил ее хахаль.

На следующей встрече агент поведал, что пластинки хранятся в чемоданчиках красной кожи, с золотыми иностранными буквами на крышках. Кроме того, он выяснил, что новый любовник Вальки – залетный, с Украины, и вместе с пластинками он подарил ей маленькую «волыну», всю в серебре, а на рукоятке пластины из слоновой кости.

Квартиру Цыганковой взяли под наблюдение, и через день наружка «срисовала» человека, очень похожего на одного из лейтенантов, который пришел к Вальке в гости.

Его «повели» и проводили до частного дома в Перове.

Ну а дальше все было как обычно. Отработали объект. Выяснили, сколько народу в доме, и ночью захватили всех без единого выстрела.

Игорь Скорин рассказывал, что больше всего грозный генерал радовался возвращенным пластинкам, которые обещал сыну, и просил в протоколах не упоминать имени певца: как-никак, а вражеский шпион.

* * *

О Петре Константиновиче Лещенко по Москве ходило много легенд. Одни рассказывали, что он известный киевский вор, в тридцатом перешедший границу, другие доказывали, что он белый офицер, ушедший с остатками добровольцев в Румынию, третьи точно знали, что он друг Есенина, вместе с ним в двадцатых уехавший за границу.

О тех, кого любят, всегда слагают легенды.

Петр Лещенко родился и жил в Бессарабии, а когда она по ленинскому декрету 1918 года отошла к Румынии, стал подданным опереточного королевства.

Сначала вместе с сестрами он выступал в танцевальном номере, потом начал петь. В Риге он познакомился с молодым композитором Оскаром Строком, которого позже назовут «королем танго».

Так в его репертуаре появились знаменитые шлягеры «Татьяна», «Скажите, почему?», «Черные глаза».

Он много пел, тем более после Гражданской войны у него появилась огромная аудитория. Его грампластинки пользовались оглушительным успехом. В Бухаресте Петр Лещенко стал владельцем самого модного ресторана-варьете.

Он был обычным шансонье, далеким от политики. В 1941 году наши войска оставили Одессу. По договоренности немцев с Румынией город перешел под ее юрисдикцию.

Мой одесский приятель Сеня Альтшуллер рассказывал, что в городе немедленно открылось огромное количество кабаков, варьете, комиссионков, всюду работал черный рынок. Одесское ворье переживало эпоху ренессанса, можно было «работать» в Одессе, а барахло сбрасывать в Бухаресте, и наоборот.

В 1942 году в Одессу с гастрольями приезжает Петр Лещенко. Эта поездка сделала его счастливым – он полюбил очаровательную девушку Веру Белоусову и женился на ней – и сыграла трагическую роль в его жизни.

У него в Одессе объявился поклонник – известный боксер, чемпион СССР и немецкий лейтенант Олег Загоруйченко. Он держал в городе зал бокса, который на самом деле был разведшколой.

Вполне естественно, что знаменитый боксер бывал на всех концертах своего кумира, дарил цветы, устраивал банкеты в ресторанах.

В 1944 году в Румынию вошли наши войска. Петр Лещенко пел перед бойцами, выступал в госпиталях, приезжал с оркестром на закрытые гулянки генералов.

А потом его арестовали за связь с одесской разведшколой. Сидел он в румынском каторжном лагере. Знающие люди из госбезопасности рассказывали мне, что наш ГУЛАГ в сравнении с румынским был просто санаторием.

В шестидесятых годах в курортном городке Пярну, в холле ресторана «Раана-Хона» Мика Таривердиев поздоровался с элегантным пожилым человеком.

Когда мы сели за столик, он спросил:

– Да ты знаешь, кто это был?

– Нет.

– Оскар Строк.

Уже всюду продавались в стране пластинки «короля танго». Но самые лучшие мелодии исполняли другие певцы.

«Король» пережил звездного исполнителя своих песен.

А в восемьдесят пятом году в Бухаресте приятель из посольства привел меня на одну из центральных улиц столицы королевства Чаушеску и показал дом.

– Здесь было варьете Петра Лещенко.

– А сейчас?

– Кажется, столовая университета.

Давно канули в забвение партбоссы со Старой площади, запрещавшие слушать танго Лещенко. Сегодня их имена можно разыскать только в архивах.

А песни русского шансонье живут в памяти тех, для кого в далеком сорок пятом они стали узенькой щелочкой в «железном занавесе».

И пока мы живы, мы вспоминаем его песни.

В последних астрах печаль хрустальная жила...

Магия заштопанного экрана

На Новый, 1944 год я получил самый дорогой подарок, о котором просто мечтать не мог. Школьный военрук лейтенант Ильичев наградил меня и еще двоих ребят, активистов военного кружка, десятью билетами на утренние сеансы в кинотеатр «Смена». Это значило, что все десять дней зимних каникул я каждый день буду ходить в кино.

Декабрь был холодным, в сугробе посреди нашего двора дворник дядя Сергей воткнул нечто, напоминающее елку, точно зная, что ее украдут на растопку.

Надо оговориться, что праздновать Новый год официально партия большевиков решила всего восемь лет назад. Из небытия вернулась новогодняя елка и были реабилитированы Дед Мороз и Снегурочка.

И все равно 1 января оставался рабочим днем, потому как Новый год был объявлен детским праздником. Первое число стало выходным днем, если мне не изменяет память, в 1947 году, после денежной реформы.

Но Новый год оставался любимым праздником. И в первую ночь 1944 года московская власть сделала подарок всем: не выключила свет, поэтому, несмотря на войну, нехватку продуктов, скудный быт, в квартирах всю ночь горели елки и гости веселились, как могли.

Правда, этого я не видел, потому что, наевшись от души обязательного винегрета, уснул в обнимку с котом Мишей.

Я не жалел, что не удалось посидеть со взрослыми и послушать их интересные разговоры, меня ждал утренник в любимом кинотеатре «Смена».

Бывает так, что в череде прожитых дней один из них обязательно запоминается и остается в тебе на много лет. Вот так случилось с первым числом января 1944 года.

Все было как обычно: и бедненькая, украшенная бумажными игрушками елка в фойе, и гвалт пацанов, и редкие взрослые, неведомо как попавшие на утренник в рабочий день.

Особенно запомнился мне молодой младший лейтенант, с левой рукой на черной перевязи, в расстегнутом белом полушубке. Конечно, распахнул он его не только из-за тепла. Нет. Он всем этим тыловикам показывал три ордена Красной Звезды, сияющие на сукне гимнастерки.

Был он прилично пьян, и две девушки, видимо медсестры из госпиталя, с сержантскими погонами на шинелях, весело смеялись. По всему было видно, что праздновали они «за всю масть», как говорили блатные с Тишинки.

Фильм нам поднесли соответственный первому дню школьных каникул. Военную трагедию «Она защищает Родину».

Но в ней много стреляли, партизаны разбирались с немцами по полной программе, поэтому эту ленту мы могли смотреть бесконечно.

И вот на экране наступает кульминационный момент: немцы начинают теснить наших партизан...

И вдруг кто-то в зале зычно заорал:

– Ну, держитесь, суки!..

Дальше шли слова, которые в открытой печати не приводятся.

Грохнул пистолетный выстрел. Потом второй, третий. Экран покрылся дырками от пуль. Заголосили женщины, засвистели на радостях пацаны. Когда еще увидишь такое! Загорелся свет в зале, появились милиционеры и комендантский патруль. Героя-лейтенанта увели.

А экран заштопали и залатали. Не было тогда денег на покупку нового. Война шла. Но мы ничуть не расстраивались. Не видели мы ни заплаток, ни штопки. Белый квадрат, оживавший в темноте, был для нас окном в мир. И был этот мир огромен и неизведан и совсем не похож на школьные учебники и рассказы педагогов.

У знакомого экрана нашего кинотеатра была особая магия. Он за час с небольшим уводил нас в иную, замечательную жизнь. В ней не было плохих отметок и подзатыльников за них. В ней не надо было таскать дрова на третий этаж до тех пор, пока колени не станут противно дрожать, а руки сделаются деревянно-непослушными.

В ней не было бесконечных нотаций классного руководителя и обещаний завуча выгнать из школы в ремесленное училище.

Надо сказать сразу, что я совсем этого не боялся, так как места хуже своей школы просто не знал.

В нашем замечательном мире жили герои фильмов: «Пархоменко», «Котовский», «Человек № 217», «Партизаны в степях Украины», «Секретарь райкома».

Мне очень хотелось быть такими, как они. А фильм «Боксеры», снятый перед самой войной, сыграл в моей жизни решающую роль.

Кино вообще занимало огромное место в жизни моих замечательных земляков. Это сейчас по телевизору можно посмотреть американские фильмы категории «В», где взлетают до уровня последнего этажа взорванные машины и герои бездумно и радостно лупят ногами плохих парней.

Во времена моего детства о телевидении читали только в журнале «Техника – молодежи». Читали, но не могли разобраться, что это такое.

Кино было главным массовым зрелищем. Но попасть туда было не просто. Народу в городе много, кинотеатров – мало.

Естественно, любой дефицит порождает черный рынок. В Большом Кондратьевском проживал местный король дефицита Толик Швед. Откуда у него взялась эта кликуха или, как иначе говорят, «погоняло», не знаю.

Звать Толиком этого великовозрастного мужика лет тридцати пяти было не с руки, и мы обращались к нему по кличке.

По всем делам он давно уже должен был сидеть в окопе и палить в немцев из мосинской винтовки. Но у Шведа была бронь. Ее давали работникам на оборонных заводах, но Толик не работал на оборону. Он был инвалид и белобилетник и занимался тем, что «держал» два кинотеатра: «Смену» и «Москву».

Каждый день после уроков Швед скликал нас, пацанов поменьше, и мы шли занимать очередь в кассу предварительной продажи билетов.

Детям до шестнадцати после четырех было запрещено посещать кинотеатры, но мы отвечали кассирам, что берем билеты для мамы или тети. Впрочем, кассирши наверняка были замешаны в бизнесе Шведа, поэтому мы свободно покупали то, что заказывал Толик. Билеты мы передавали ему, а дальше в дело вступали ребята постарше.

Итак, люди приходили к кинотеатру и видели надпись: «Все билеты проданы».

А как хочется посмотреть английский фильм «Джордж из Динки-джаза», или «Серенада солнечной долины», или наш любимый фильм «Жди меня».

И тут как тут молодые люди, которые продают вам билеты в пять раз дороже.

Но чего не сделаешь ради любимого искусства.

На следующий день Швед собирал нас, младшеньких, и вручал каждому по билету в кино и по тридцатнику на двоих.

Мы мчались на угол, где плотная дама в валенках и теплом ватнике резала нам пополам пачку мороженого из суфле «Мишка на Севере».

Билеты Швед обычно давал на вечерние сеансы, когда крутили заграничные кинофильмы. Влияние Шведа распространялось и на строгих билетерш, и нас пускали даже вечером.

Наибольшее разочарование постигло меня, когда Швед презентовал мне билет на американский фильм «Три мушкетера». Это была моя любимая книга, и, когда я увидел на экране поваров, совершающих подвиги вместо любимых мною мушкетеров, огорчение мое оказалось ни с чем не сравнимым.

Пожалуй, никогда в жизни я не испытывал такого горького чувства досады.

Заштопанный экран кинотеатра «Смена» стал для нас, молодых людей сороковых – пятидесятых годов, окном в неизвестное.

Даже глупая комедия «Джордж из Динки-джаза» показывала нам другую, неведомую жизнь и смешную, совершенно нестрашную войну.

А вот «Серенада солнечной долины» стала радостной встречей с совершенно неведомым миром музыки. Мелодии Глена Миллера навсегда вошли в нашу жизнь.

Правда, вот что удивило меня в этом фильме. Я помнил бомбежки сорок первого, голодную зиму, немцев под самой Москвой. Мы, привыкшие к тому, что в подъездах горят синие лампочки, а свет вполне адекватен – великое счастье, а повидло, полученное по сахарным талонам, – необыкновенная удача, были изумлены, увидев военную Америку с хорошим джазом, ресторанами, веселыми и элегантными людьми, озабоченными тем, кого бы быстрее затащить в постель.

Но потом мне объяснили, что все это туфта и капиталистическая пропаганда, а на самом деле у них линчуют негров. И люди гибнут в тисках безработицы.

Конечно, я поверил этому. Но, повзрослев, понял, что американцы сняли прелестную сказку, так необходимую людям.

Грянул сорок пятый год, победный и прекрасный, и появились в нашем прокате новые фильмы. Перед титрами шла надпись: «Этот фильм взят в качестве трофея в Великой Отечественной войне».

* * *

Первым фильмом из этой «колоды», явившимся на наш притягательный экран, стала история любви звезды варьете и скромного инженера.

На экранах СССР блеснула красавица Марика Рокк.

Забыть не могу, какой был ажиотаж. Впервые в нашем кинозале появилась сексуальная красотка. Московские мужики сошли с ума, а дамы тщательно искали недостатки в ее внешности и туалетах.

По школам Москвы умельцы продавали переснятые с экрана фотографии полуобнаженной звезды.

Однажды ко мне подошел мой товарищ по школе Сева и сказал:

– А ты знаешь, что Марика Рокк появляется на экране совсем голая? Но это показывают только на послед нем сеансе.

Последний сеанс начинался в двадцать три часа. Мы бросились к благодетелю Шведу. Он выслушал нас, хитро ухмыльнулся и принял следующее решение:

– Провести вас на последний сеанс я не смогу, но вот на шесть устрою, а вы спрячьтесь. Сумеете затыриться как следует, увидите свою голую бабу. Не сумеете – под зад коленом.

Где мы только не прятались: и за ящиками буфета, и в кабинке мужского туалета, и за пыльной бархатной портьерой. В зал мы не вошли – вползли.

Снова отсмотрели знакомый фильм, но голой героини так и не заметили. С некоторым ужасом возвращались домой. Время было полпервого ночи, и кара за это нас ждала соответствующая.

Много позже я узнал, почему выпустили на экраны фильм, так не похожий на нашу кинопродукцию. Бессмертные полотна «Клятва», «Сталинградская битва», «Мичурин» не давали сборов, а деньги были очень нужны, их дала нам австрийская актриса.

Но даже секс-бомба тех дней не могла сотворить экономического чуда, тем более что товарищи идеологи во главе с незабываемым Ждановым начали благородную борьбу за нравственность.

Из отечественных фильмов стали вырезать сцены с поцелуями, причем резали беспощадно. Я очень хорошо помню фильм «Это было в Донбассе», остросюжетную ленту о комсомольцах-подпольщиках. Роль активной комсомолки-разведчицы играла Татьяна Окуневская.

По замыслу автора сценария Бориса Горбатова, она трижды встречается со своим любимым в разных трагических обстоятельствах. И столько же раз целуется. Причем делает это весьма продолжительное время.

Сидящие в зале пацаны начинали громко считать:

– Раз! Два! Три!

И вот однажды, когда мы приготовились начать отсчет, никакого поцелуя на экране не состоялось. Герои просто приблизились, а потом разошлись, как истинные друзья-комсомольцы.

Поцелуйную порнографию уничтожали беспощадно. Даже в трилогии о Максиме герои бросаются друг к другу, а потом как-то странно отскакивают, словно вместо любимой девушки герой увидел старуху смерть.

Мы, мальчишки, знавшие наши советские фильмы практически наизусть, сразу замечали отсутствие поцелуев на экране. Целовать можно было только убитого врагами красного бойца, да и то после соответственной речи комиссара. Как в фильме «Пархоменко».

Но зрители замечали это. Замечали и огорчались: почему в любимых комедийных мелодрамах «Горячие денечки», «Сердца четырех», «Близнецы» напрочь исчезли лирические сцены. Огорчались и все реже ходили в кино.

А кинопрокат – огромные деньги. И они, как никогда, были нужны государству.

В самом конце войны совершенно штатского человека, причем возраста давно не призывного, «приглашали» в соответствующие инстанции и, присвоив высокое воинское зва-

ние, приказывали послужить отечеству. Почему-то всем новоявленным новобранцам присваивали звание подполковника.

Люди эти были самых мирных профессий: искусствоведы, историки, литературоведы, музыканты, кинематографисты. Чем они занимались в поверженной в прах Германии, мне рассказал замечательный киносценарист Борис Агапов. Он также был вызван в инстанции, натянул китель с подполковничьими погонами и поехал в Германию добывать кинофильмы.

С группой веселых кинематографистов и переводчиком-синхронистом они отсматривали громадное количество немецких фильмов. Самых разных. И отбирали среди них наиболее подходящие.

А однажды на студии «УФА» наши киноследопыты обнаружили весьма секретный объект. Особое хранилище, где были складированы сотни американских и французских фильмов.

Оказывается, немецкие вожди, так же как и наши, любили на досуге поглядеть иностранную клубничку. Так, во время бомбежек Гитлер смотрел в своем бомбоубежище «Середаду солнечной долины».

В зале присутствовали только приближенные. Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Но вернемся к нашим киноследопытам. Они честно отсматривали фильмы целых полгода и набрали приличный запас завлекательных лент.

Я очень хорошо помню, как зимой на афише кинотеатра «Москва» появилась рисованная афиша с таинственной красавицей, мужчинами во фраках, сжимающими в руках пистолеты. И подпись: «Индийская гробница» – 1-я серия».

В Москве начался немыслимый ажиотаж. Очередь за билетами занимали с ночи. В городе творилось нечто невообразимое. О фильме спорили на коммунальных кухнях, обсуждали его в учреждениях и институтах.

Актриса, игравшая героиню этой бессмертной ленты, была безымянной. Женщина красоты необыкновенной. Она дважды появлялась на наших экранах. В боевике «Индийская гробница» и прелестном фильме «Артисты цирка».

Оговорюсь сразу, ни фамилии исполнителей главных ролей, ни сценаристов, ни режиссеров зритель узнать не мог, так как титры были напрочь отрезаны.

Боевик «Индийская гробница» был выстроен как яркая антианглийская история. Дело происходило в Индии, Германии и снова в Индии. На фоне колониально-политической борьбы авторы необычайно умело рассказали историю трагической любви танцовщицы Зиты и немецкого инженера.

В фильме было все: перестрелки, драки, дворец магараджи, необычайно красивые банкететы и даже бассейны с крокодилами.

Героиня фильма была настолько хороша, что московские завистливые дамы, глядя на стройную, тонкую фигуру, говорили, что эту роль играет мужчина-танцовщик, и даже называли его фамилию. Но никто не обращал внимания на их злословие.

Танцовщица Зита вытеснила из сферы всеобщего внимания даже прелестную Марику Рокк. Фотографии ее висели в каждой будке чистильщиков сапог и сапожников-частников. Они на несколько лет заменили изображение самой Любви Орловой.

Значительно более серьезной была шведская актриса Зара Ляндер, снимавшаяся в немецких фильмах в тридцатых – сороковых годах.

Я очень хорошо помню военную мелодраму «Восстание в пустыне», тоже антибританскую, в которой неведомые арабские племена сражались против гордого Альбиона.

Мы любили это кино. Самое смешное, что именно через заштопанный экран нашего старого кинотеатра мы видели других людей и другие взаимоотношения. Наш кинематограф

рассказывал нам о солдатах-героях, о колхозниках и шахтерах, перевыполняющих план, и я был привязан к этим людям. Только чем старше мы становились, чем больше видели, тем острее начинали понимать, что нам показывают сказки, но только иные, чем выпекала «фабрика грез» – Голливуд.

В основе наших сказок лежал незабвенный принцип социалистического реализма. А нам хотелось необычайных приключений, романов с красивыми женщинами, перестрелок и наказания подлецов.

А потом появился фильм, о котором можно было говорить серьезно. Его, конечно, также взяли «в плен» в качестве трофея наши красноармейцы. У нас в прокате он назывался «Судьба солдата в Америке».

Главного героя играл великолепный Джеймс Кегни. Его герой, гангстер Эдди, нес в себе необыкновенный заряд обаяния.

В фильме у него был коронный удар. Короткий апперкот, практически без замаха, которым он укладывал любого своего врага.

Сколько времени в тренировочном зале мы пытались отработать похожий удар. А он так и не получался. Видимо, это была еще одна голливудская сказка, в чем я убедился на собственном опыте, когда в «Коктейль-холле» решил разобраться с одним парнишкой. Коронного удара, как у киногероя, не вышло, за что и получил довольно ощутимо в ухо.

Не судьба нам, видимо, было драться так же красиво, как делал это нью-йоркский гангстер.

Прошло много лет, и я начал работать в кино, испытал на себе, что такое реальные будни волшебного мира. За эти годы светлый экран показал мне множество судеб и поведал целый калейдоскоп историй.

Теперь, как киносценарист, я вообще перестал верить в киносказки, но почему-то под Новый год мне мучительно хочется получить десять билетов в мой старый кинотеатр «Смена» и так же, как много лет назад, верить, переживать, и любить, и ненавидеть.

«Но этого не может быть, потому что не может быть никогда». А жаль.

Засчитывается по последнему

Возвращаясь домой, я иногда видел этого странного человека, стремительно бежавшего по улице Москвина ко входу в мастерские Большого театра, расположившиеся напротив моего дома.

Длинное развевающееся по ветру пальто, волосы до плеч – он был похож на вырезанного из фанеры композитора Рубинштейна, стоявшего в витрине музыкального магазина на улице Пикк в Таллине.

Мне рассказывали, что когда-то он считался прекрасным музыкантом, но после болезни оставил свои занятия и работал ночным сторожем в мастерских. Видимо, он действительно любил музыку, иногда из-за забора доносились звуки рояля. Плыла над уснувшей улицей «Фантазия-экспромт» Шопена.

А иногда он играл на духовых. Звук трубы, пронзительный и требовательный, врвался в мою комнату, разрывал сон, и я вскакивал, спросонья ища гимнастерку и ремень на стуле рядом с кроватью и нащупывая босыми ногами сапоги.

Потом я просыпался и видел свою комнату. В свете уличного фонаря переливались корешки книг на стеллаже, а Антон Павлович Чехов добродушно глядел на меня со стены, словно говоря: «Ну, чего всполошился, ложись и спи».

«...Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных сил, принимая военную присягу, торжественно клянусь...»

Над плацем солнце, ветер шевелит тяжелое знамя.

Я клянусь перед строем своих товарищей, перед этим боевым знаменем, перед огромной страной, лежащей за забором военного городка.

Прочитав текст, я поворачиваюсь кругом, прижимая автомат к груди, расписываюсь в огромной красной книге, строевым шагом подхожу к знамени, опускаюсь на колени и целую его тяжелый шелк.

Присягу я принимаю второй раз, два месяца назад я проделал все это на Суворовском проспекте в Ленинграде. Через пять дней меня вызвали в строевую часть, где ознакомили с приказом о моем отчислении из училища.

– Меня в какой округ, товарищ подполковник? – спросил я.

– Да в том-то и дело, сынок, что в Москву, в распоряжение райвоенкомата, – сочувственно сказал круглый лысый подполковник с погонами административной службы. – Ты, как приедешь в Москву, в армию просись, в училище тебе пока хода нет. Сам знаешь, что у тебя с отцом.

Я получаю запечатанный пакет с документами, прощаюсь с подполковником и иду в финчасть получать проездной литер.

В Москве мы с дядькой идем к его другу военкому. Он смотрит документы и говорит:

– Все наборы прошли, пиши заявление о добровольном вступлении в армию. Попадешь в часть, а оттуда мы тебя отправим в училище, только не слишком престижное.

Итак, я повторно принес присягу, и за торжественным обедом по нашим столам пробежал слухок, что через два дня будет марш-бросок на пятьдесят километров. Кто пройдет – останется в училище, а остальных спишут в Советскую армию.

Конечно, мы волнуемся. Конечно, расспрашиваем ребят-сержантов из старшей роты, как нам быть.

Над нами никто не смеется, и ребята дают дельные советы, показывают, как лучше наматывать портянки, как крепить поудобнее целую кучу мешков и подсумков, чтобы они не мешали во время броска.

– Главное, – говорит сержант Головин, – во время движения думайте о чем-нибудь приятном. О фильме, который недавно видели, о доме, о девушке. И не бойтесь ни чего. Помните, товарищи вам помогут.

И вот наступило утро марш-броска. Целый вечер старшины укладывали нам в вещмешок и подсумки мешочки с землей, чтобы мы несли положенные бойцу сорок килограммов груза.

Наш взвод ведет сержант Головин, это его первая командирская практика.

– Попрыгаем, – командует он. Мы прыгаем, чувствуя, как стучат по спине и бокам вещмешок, фляжки, подсумки с дисками для ППП.

Сержант обходит строй и приказывает затянуть или ослабить ремешки, короче, как опытный конюх, подгоняющий сбрую на конях.

Суется посредники с белыми лентами на рукаве. Ротный обходит строй.

– Становись! Рота, равняйся! Рота, смирно! Шагом марш!

Мы шагаем к воротам, именно отсюда начинается старт.

Ровно через семь месяцев меня вызывает зам по боевой подготовке:

– Завтра марш-бросок для молодых, поведете второй взвод, это будет засчитано за командирскую практику, а то слишком много времени проводите на соревнованиях. И помните, сержант, результат, как всегда, засчитывается по последнему.

Утром иду на физзарядку, знакомлюсь со своим взводом. Упражнения делают нормально. Они тоже с любопытством разглядывают меня.

После занятий напоминаю им, что к финишу – воротам мы должны прийти монолитной группой, наш результат будет засчитан по последнему.

Час возжусь с парнем двухметрового роста, маменькиным сынком, учу его самому простейшему навыку – наматывать портянки.

Уходя, говорю:

– Попрошу всех побриться. Потом поймете почему.

...Прошлой осенью старшина роты обслуживания Сашка Колосов, москвич с Пушкинской улицы, дал мне гимнастерку с погонами старшего сержанта и нечто похожее на увольнительную, и я пошел в самоволку на танцы.

Тайный ход в заборе у нас был, и я очутился на воле в тихий калининградский вечер. Патрулей, на мое счастье, не оказалось, и я беспрепятственно достиг танцплощадки.

Вот здесь-то и был настоящий праздник жизни. Сборный оркестр жарил «Розамунду», под которую лихо плясали солдаты, курсанты-артиллеристы, ребята из училища береговой обороны, матросы и несколько офицеров. С женщинами в городе дефицита не было, потому как тогдашний «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин в добровольно-принудительном порядке заселил город девицами из всех регионов страны.

Я присмотрел вполне симпатичную барышню, подошел к ней и пригласил на танец. Она несколько презрительно взглянула на мои погоны с широкими лычками, но все же милостиво кивнула.

С ней мы поплавали в «Брызгах шампанского», затем попрыгали в фокстроте «Рио-Рита». Потом ее у меня увел какой-то орел-балтиец, и вновь она попала в мои объятия только в последнем танго «Караван».

Когда музыка замолкла, я, как и подобает военному кавалеру, лихо предложил своей партнерше проводить ее. Она опять презрительным взглядом окинула лычки, выцветшую гимнастерку и, расставляя все по своим местам, ответила:

– Ишь скорый какой, вы – всего сержант, а я педучи лице закончила.

Социальная грань была проведена предельно точно, и непробиваемая стена вознеслась между нами. Я собрался уже отвалить в расположение, как меня окружили мои кореша из училища береговой обороны.

– Пошли с нами, здесь клубарь рядом, там сейчас кино фильм «Весна» начинается, и у нас лишний билет есть.

Их была целая компания, с лукавыми милыми девушками. И мы пошли в клубарь, и я раз пятый смотрел «Весну». Видел до боли знакомые улицы, прекрасных женщин, танцующих в варьете, следил за волшебной магией кино.

И был я не в калининградском клубе, а в том доме, на съемочной площадке рядом с красивыми женщинами и хорошо одетыми мужчинами.

Потом мы провожали девочек. И это было необходимо, так как практически никакого города Калининграда пока не было. Был лежащий в развалинах Кенигсберг. А развалины – место опасное, особенно ночью.

Потом я быстро помчался в часть. Рассвет уже вовсю пробивался в город, но я все же успел пролезть в дыру, переодеться у Сашки и без приключений добраться до расположения.

Мой кореш, дежурный по роте Витя Рогов, сказал:

– Ну ты и дал, до подъема час. Ты койку не разбирай, если что, я скажу, что ты на тренировку ушел. Иди в кап терку спать.

Я проспал физзарядку, утренний осмотр, завтрак.

Разбудил меня Витька только перед построением.

Я сполоснул в туалете заспанную рожу и встал в строй.

Наш взвод отправлялся на учебное поле работать с грозным оружием СПГ (станковый противотанковый гранатомет). Эта труба весила более сорока килограммов, и на стрельбище ее обычно носили вдвоем.

Обучал нас капитан Тимофеев, тонкий в талии, подтянутый офицер.

Он прошелся вдоль строя, внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Когда мы вышли из расположения, он остановил взвод, приказал мне выйти из строя и скомандовал:

– Газы! Я послушно напялил противогаз.

– Возьмите СПГ. Я приспособил его на плече. Взвод двинулся к учебному полю.

– Бегом марш! – скомандовал Тимофеев мне, и мы с ним побежали.

Добежать километр, даже в противогазе с гранатометом, для меня не было проблемой. У огневой я снял проклятую установку с отбитого левого плеча.

– Отбой газы, – спокойно скомандовал Тимофеев. Я с наслаждением стянул резину противогаза, ветерок коснулся моего лица, и мне показалось, что в него впились целая армия комаров. Щетина, пот и резина сделали свое дело.

Я чесался все четыре часа занятий.

По возвращении в расположение Тимофеев усмехнулся и спросил:

– Поняли, почему я приказал вам бежать в противогазе?

Я все понял, и с тех пор ни один человек, ни при каких обстоятельствах не видел меня небритым.

Эту поучительную историю я поведал своим будущим бойцам, потому что завтра им придется бежать в противогазах.

Утром иду в роту и получаю от старшины снаряжение с положенными мне мешочками. Правда, вместо автомата мне выдают пистолет ТТ в потертой кобуре.

Я спускаюсь вниз, на каменных ступенях звенят новые подковки сапог. Величайшее изобретение сухопутных войск. Если бы не они, я, при той службе, сносил бы ноги до задницы.

Проверяю снаряжение у своего взвода. Все хорошо, но пулемет РП-46 получен только вчера и практически не пристрелян. Но на хитрую...

У нас тоже кое-что есть. Я прихватил «чудо техники» – приборчик проверки правильной наводки, артоскоп. Так что посмотрим.

Наконец раздается долгожданная команда и рота начинает движение.

Вот он – старт и финиш, зеленые, со звездой, ворота расположения.

Первые пять километров быстрым шагом, почти бегом. Человеческий организм должен приспособиться. Мои идут ровно и легко. Смотрю на часы:

– Через двадцать минут переходим на бег. Двигайтесь спокойно, но как только я подниму руку – рывок из всех сил, мы должны первыми попасть к хорошему броду.

Наконец наступило время, побежали. Беги и вспоминай что-нибудь приятное.

Солнце. Топот солдатских сапог. Пыль. Тяжелое дыхание двухсот человек.

Вот и разбитая молнией сосна.

Я поднимаю руку и резко бросаю ее вниз.

Мой взвод делает рывок, и мы первые на берегу реки.

Реку эту я знаю, как улицу Горького, я форсировал ее столько раз, что, если бы за это давали медали, мне бы их некуда было вешать.

Вхожу в воду, вот она, единственная каменистая полоска на дне, а вокруг ил. И мой взвод, подняв оружие и боезапасы над головой, легко форсировал водную преграду.

Только мы успели сосредоточиться на берегу, как начали рваться взрывпакеты, а это значит – атака с ходу на крутой склон. Правда, солдатские сапоги за много лет протоптали на нем вполне удобные тропинки.

Мы лихо берем склон, и начинается штурмовая полоса. Матерясь, ползем под проволокой, бьемся о палки лабиринта, перепрыгиваем через траншеи, бежим по бревну.

Впереди стена дома с четырьмя окнами. Там засел враг.

– Гранатами «огонь»! – команду я. И сорок гранат, практически все, влетают в окна. Я первый подбегаю к стене, рывком подтягиваюсь, встаю на бревно первого окна, помогая своим. Но бойцы работают хорошо, почти весь взвод наверху.

И тут появляется до слез знакомая кукла-противник. Ее надо ударить ножом, а потом по гладкому бревну спуститься в ров с водой.

Я пропускаю ребят, они азартно тыкают противника ножом. Что поделаешь, военные учения – игра для взрослых мальчиков.

Я последний. Мне жаль эту знакомую, набитую соломой куклу, да и видимся мы в последний раз. Я по-дружески похлопываю ее по животу. Мол, прощай «альтер камрад», и без всякого бревна прыгаю в ров.

Подготовка, она и есть подготовка.

Мы удачно преодолеваем последнюю преграду, сосредоточиваемся, и я вижу спешащего к нам посредника.

– Всем вытереть лицо насухо, – команду я. И точно. Противным голосом майор с белой повязкой командует:

– Газы!

Натягиваем противогазы и бежим. Это самый поганый отрезок, и я гляжу на ребят, некоторые начинают отставать.

Беру у одного автомат, толкаю в спину.

– Вперед! Вперед! Вперед! – мычу сквозь едкую резину. Бежим. Не могу понять, отчего такой мокрый, от воды или от пота.

Время словно остановилось. Сквозь круглые стекла вижу дорогу и еще одного посредника.

Он поднимает руку и выпускает дымовую ракету. Орет:

– Взвод, атомный взрыв справа!

Бросаемся на землю, ногами к взрыву, руками закрываем головы.

В такой позиции атомная бомба нам не страшна.

За нашими спинами раздается взрыв и даже черное грибовидное облако появляется.

Видать, взорвали пару бочек солярки.

Хорошо помню этот день. Ликующая осень над военным городком, грохот сапог на плацу, скрип десантных тренажеров.

На середине занятия по ПДП были прерваны, и нас повели в учебный класс, который с утра оборудовали неведомыми плакатами и диаграммами.

У входа мы расписывались в амбарной книге и получали на руки маленькую брошюру, отпечатанную на рыхлой желтоватой бумаге: «Памятка солдату по противоатомной защите».

Из этой памятки и велеречивого рассказа подполковника с неведомыми эмблемами на погонах мы твердо уяснили, что советскому воину атомный взрыв практически не страшен.

Надо только умело надевать противогаз, пользоваться химкостюмом, носить специальную накидку. Но главное, что надо отработать до автоматизма, – умение ложиться к атомному взрыву ногами.

Когда занятия окончились, я попросил разрешения обратиться к подполковнику и спросил:

– А почему же так много жертв и разрушений, товарищ подполковник, в Хиросиме и Нагасаки?

– Ты в Японии был?

– Никак нет.

– Это отсталая страна, там почти все дома из бамбука. Понял? А что до жертв, так тогда люди не знали, как надо ложиться в случае взрыва.

Я вышел сраженный незыблемой военной логикой.

Наконец прозвучал отбой атомного нападения, но мы еще километра два бежали, выходя из зоны поражения.

– Отбой! Снять противогазы.

На перекрестке дорог нас ожидает посредник, офицер-химик. Он проверяет, не вынули ли мы клапана из противогазов, чтобы легче дышать.

У нас все в порядке, и он с явным неудовольствием черкает что-то в своей книжечке.

Опять двигаемся бодрым шагом. Я подхожу к наводчику и цепляю артоскоп рядом с прицелом.

– Зачем это, товарищ сержант?

– Сейчас поймешь. Вот оно, стрельбище, на котором мы уничтожали и днем и ночью несметное количество предполагаемого противника. Ждем команды.

– Противник справа, – заливисто командует посредник. – К бою!

Мы прыгаем в заранее подготовленный окоп. Беру РП, откидываю сошники, закрепляю на бруствере. Поднимаю крышку приемника.

– Ленту!

Второй номер подает ленту, утапливаю патрон, закрываю крышку, передергиваю затвор.

Внезапно на поле возникают ростовые мишени.

Совсем неглупый человек придумал мишени – ростовые, поясные, с плечами и головой.

Они появлялись перед нами в зыбком мареве рассвета, в солнечный день, в наступающем полумраке ночи.

Они стояли и передвигались. И мы били по ним из всех видов оружия.

А когда настал тот самый день, то мы не видели людей, а только их силуэты, ростовые, поясные, по плечи...

И били по ним так же точно, как на стрельбище.

Но это я понял значительно позже.

Посредник далеко, на правом фланге. У меня три короткие очереди по три патрона в каждой. Ловлю в прорезь первую мишень.

Та-та-та.

Мишень разворачивается.

Вторая.

Третья.

– Посредник, – шепчет второй номер.

– К пулемету, – командую наводчику, а сам прижимаюсь глазом к артоскопу.

– Зачем артоскоп? – строго спрашивает майор.

– Пулемет новый, получили два дня назад, проверяю работу наводчика, товарищ майор.

– Молодец.

Он что-то записывает в книжку. Мы отстрелялись. Проверили наличие патронов. Все в порядке.

– Становись! Бегом, марш! Я не говорю ребятам, что осталось не больше десяти километров, чтобы не расслаблялись.

Мы бежим, идем быстрым шагом, снова бежим. Вот он, самый последний километр.

– Взвод, бегом! Они бегут из последних сил, тяжело дышат, но все равно сбиваются в кучу. Строй скомкан. Теперь не до него. Главное – результат.

Вот они, ворота.

Мы вбегаем в них кучно, плечом к плечу.

Чуть поодаль нас ждет начальство.

– Взвод! – команду я. – Подравняйся!

Из кучи людей возникает подобие строя. Я иду докладывать заму по боевой подготовке.

– Молодец, – говорит он, – до отбоя свободен.

Я поднимаюсь к себе в роту. Дежурный принимает у меня оружие.

– Ну и грязный же ты.

Отправляюсь в роту обслуживания к Сашке. Его дневальный отпирает мне душ. Я тру обмундирование намыленной щеткой. Течет грязная вода. Я продолжаю полоскать и снова тереть щеткой форму, пока она не становится чистой.

Потом чищу сапоги и моюсь сам. Усталость берет свое, и на лавочке под теплыми струями я засыпаю.

И сон мой, звенящий и зыбкий, как вода, льющаяся на меня, переносит меня в Гагры, на набережную. Я иду с Мариной, солнце, магнолии, а в огромном репродукторе женский голос поет:

О море в Гаграх,
А пальмы в Гаграх...

И музыка все громче и громче. Я открываю глаза. Передо мной сидит Сашка, а рядом радиола поет модную в те времена песню.

Через два дня Сашка демобилизуется. Дома его ждет мать, вагоновожатая в трамвайном парке, и две сестрички. Их надо ставить на ноги. А без мужской руки дом сирота.

Мы ужинаем с ним. Форма моя высохла. Одеваюсь, иду в роту.

От здания штаба мне навстречу идет трубач, который должен трубить отбой.

На рассвете он сыграет «подъем», и начнется новый день апреля 1953 года.

Я больше не встречал длинноволосого музыканта, потому что уехал с улицы Москвина. Живу я сейчас совсем в другом месте, и из окна виден скучный холодный двор.

Но иногда ночью я просыпаюсь и смотрю в окно, и исчезают машины, чахлые деревья, металлическая ограда. И снова передо мной квадрат плаца. И горнист выходит на середину. Вот сейчас он споет «подъем», и я перенесусь из этой глупой и суетной обыденности обратно в армейскую молодость, потому что прошли годы и я понял, что по-настоящему счастлив был только там и все лучшее, что у меня есть, мне дала армия.

Я жду и смотрю во двор.

Ночь кончается, а горнист не приходит.

Смертельный раунд

Память – книга с вырванными страницами...

Когда начинаешь листать ее, то не можешь восстановить течение некоторых событий, лица людей, которых встречал, поступки и разговоры. Как ни странно, ярко и подробно помнятся только горькие страницы.

Но вместе с ними я до мельчайших деталей восстанавливаю две главы из этой книги – военное детство и армейскую службу.

Помню, как сегодня, пот марш-бросков, преодоленный страх парашютных прыжков, пороховой запах стрельбищ.

Военное детство сделало нас, пацанов, взрослыми. Много чего насмотрелись мы за эти годы. Научились давать отпор, несмотря на разницу сил. Научились пересиливать боль. Научились командно драться с тишинской шпаной. Научились не бояться ни ножей, ни кастетов, а если подпирало – пускать в ход самодельные клинки.

Все драки начинались у входа в кинотеатр «Смена» и заканчивались в ближайшей подворотне. Кино и книги были нашей отдушиной, нашей единственной радостью. Конечно, мы любили фильмы про войну. Радостно орали, когда на экране наши подтянутые пехотинцы мощным штыковым ударом опрокидывали немцев. Но было еще два культовых фильма, которые мы могли смотреть бесконечно: «Вратарь» и «Боксеры». Последний был совсем новым, его сняли на Одесской киностудии перед самой войной.

Десятки раз мы болели за наших чемпионов, которых играли артисты Доронин и Сагал, но больше всех нам нравился их противник – буржуазный чемпион Шарль Лампье, которого играл Константин Градополов.

Тогда было два легендарных человека – Константин Градополов и его ученик, абсолютный чемпион СССР по боксу Николай Королев.

Если бы все истории, которые о них рассказывали пацаны в вечерних затемненных подъездах, можно было бы собрать и записать, то получилась бы потрясающая книга дворового эпического фольклора.

Я хорошо помню анекдот, пользовавшийся успехом в нашем дворе. Он был созвучен той криминальной эпохе.

«Приходит в ресторан Николай Королев, снимает кожаное пальто, отдает швейцару. А тот ему говорит:

– Николай Федорович, пальто хорошее, его украсть могут.

Королев пишет записку и вешает ее на пальто: «Попробуй укради. Чемпион по боксу *Королев*».

Поел наш герой, приходит в раздевалку, а пальто нет, зато висит другая записка: «Попробуй догони. Чемпион по бегу *Знаменский*».

Конечно, анекдот наивный и не очень смешной для нас нынешних. Но главное в другом. Стать героем анекдота мог только весьма знаменитый и прославленный человек.

Но вернемся в далекий сорок четвертый. Были весенние каникулы, ко мне прибежал мой дружок Игорь и сообщил сногшибательную новость: в клубе имени Зуева в пять часов показывают фильм «Боксеры». Это уже было руководством к действию, но главное заключалось в том, что после кино будет выступать сам Градополов.

В клубе у нас все было схвачено. Контролером работала моя двоюродная тетка Аня. Вполне естественно, что мы попали на это мероприятие.

После фильма мы так волновались, что толком не поняли, что говорит подтянутый сухощавый блондин на сцене. Но окончание его рассказа запомнили. Градополов сказал, что родине нужны смелые и сильные люди.

Мы догнали Константина Васильевича на улице. Он посмотрел на нас и все сразу понял.

– Хотите стать боксерами?

– Да, – пролепетали мы.

– Отлично, ребята, приходите завтра в спортивный зал «Крылья Советов» в три часа; известный спортивный педагог Иван Степанович Богаев создает детскую боксерскую секцию. Придете и скажете, что вы от меня. А я сегодня же позвоню Ивану Степановичу.

Каково же было наше изумление, когда Богаев, встретив нас, сказал:

– Мне о вас говорил Константин Васильевич, давайте знакомиться, заполняйте карточку и идите на медкомиссию.

В сорок четвертом году, когда война была еще в самом разгаре и до победы оставался целый год, люди, занимавшиеся детской преступностью, разработали целую программу, как вырвать пацанов с улицы и прибалтанных дворов. Основой должна была стать физическая подготовка. По всей стране начали работать детские и юношеские секции футбола, волейбола, бокса, легкой атлетики.

А в конце ноября сорок четвертого Богаев сказал нам:

– Ребята, я достал десять пропусков в цирк. Там будут драться за звание абсолютного чемпиона СССР Николай Королев и Евгений Огуренков.

И вот 2 декабря – день этот я запомнил на всю жизнь – мы стали зрителями настоящего боксерского поединка.

Победил Николай Королев, в третий раз он стал чемпионом СССР.

Богаев провел меня и еще троих ребят за кулисы к спортивной раздевалке.

Мы стояли и с трепетом ждали. Наконец появился плотный лысый человек с веселыми глазами. Он был в зеленой гимнастерке с лейтенантскими погонами. На ней рубином переливался орден Красного Знамени и висели две медали. Серебряная партизанская и желтая «За оборону Москвы».

– Твои пацаны? – спросил он Богаева.

– Мои.

– Скоро станете чемпионами, – подмигнул он нам, – я в вас верю.

Чудовищная пропасть, глубиной в целую жизнь, разделяла нас, взволнованных пацанов в штопаных лыжных костюмчиках, и многократного чемпиона, героя войны лейтенанта Королева.

Но проходит время, и пропасть эта становится все меньше и меньше. Мне было тридцать, а Николаю сорок шесть, когда мы по-настоящему подружились. Я жил на улице Москвина, а он совсем рядом, в Дмитровском переулке в коммуналке. Комната его напоминала пенал, вдоль стены которого шла полка, уставленная спортивными наградами.

Туда Коля приехал после развода с женой. Я никак не мог понять, почему наши власти не могли обеспечить нормальной квартирой «короля советского бокса», так звали моего друга.

Об этом я узнал позже.

Однажды Коля пришел ко мне и сказал:

– Слушай, издательство «Советская Россия» попросило меня написать книгу, давай ее сделаем вместе.

Мы начали работать. И тогда я узнал много интересных подробностей из биографии моего друга.

В конце сорок пятого Николай Королев попадает в Германию. В официальной командировке значилось, что он приехал организовывать спортивную работу в частях наших оккупационных войск. Но подлинная причина была иная. С группой офицеров разведки его командировал туда генерал Павел Судоплатов.

Задание было нелегким. Они должны были опознать и задержать, а в крайнем случае уничтожить наших боксеров, работавших преподавателями в диверсионных школах абвера.

Особенно МГБ интересовал бывший чемпион СССР в среднем весе по имени Олег. Фамилию я не называю специально, чтобы не травмировать близких этого человека.

Еще до войны Олег стал чемпионом СССР в среднем весе. Как мне говорили компетентные люди из контрразведки, абвер завербовал его в одном из редких в те времена спортивных турне наших боксеров за кордон. Взяли его не на деньгах и не на компре, не на страхе, а на обычном тщеславии, пообещав сделать чемпионом Европы среди профессионалов.

Не знаю, какие задания абвера выполнял Олег, но один из его знакомых боксеров говорил мне, что после той поездки Олег почему-то начал выходить на пробежку с огромной овчаркой.

Так он бегал и дрался, а тут началась война. Надел гимнастерку с лейтенантскими петлицами и ночью ушел за линию фронта.

Всплыл он в 1942 году в Одессе. Что творилось в городе дюка Ришелье в те годы, рассказал мне старейший работник Одесской киностудии.

– Вы хотите знать за Одессу при румынах? – спросил он. – Так это были счастливые времена второго НЭПа.

Немцы отдали Одессу румынам. Именно это спасло население города от массовых репрессий. В городе открылось немыслимое количество частных фирм, магазинов, ресторанов.

Появилось еще одно учреждение – частная школа бокса. Хозяином ее был бывший чемпион по имени Олег.

Школа работала как положено. Устраивались бои с тотализатором, платные спарринги, короче, все, как в Европе.

Одного только не знали любители зарядить денежки в тотализаторе и замазаться на любимого боксера: школа была филиалом учебно-диверсионного подразделения абвера. Готовила она не золотушных агентов, считающих воинские эшелоны на узловых станциях, а жестоких профессиональных убийц.

Сколько их ушло в наш тыл, сколько законсервировалось в нем до определенного времени, не знал никто, кроме чемпиона по имени Олег. По агентурным данным было известно, что после войны его пригнали, как и многих нацистских преступников, американцы.

Вот поэтому и послали Николая Королева в Германию, именно он должен был опознать предателя. Сразу оговорюсь, что Королев не сказал мне, чем закончилась операция. Но однажды в Софии генерал Коваленко вскользь заметил, что акция прошла результативно. А как это понимать, судите сами.

Николай с товарищами ездил по боксерским залам, по барам, где были развешаны фотографии Рокки Марчиано и Джо Луиса, приходил на боксерские встречи. Однажды они попали в спортзал, где выступал американский чемпион-тяжеловес. Он проводил показательные бои с армейскими любителями. По одному раунду. Работал шутя, вполсилы, не калеча партнеров.

Чемпион был высокий, длиннорукий, прекрасно сложенный, ну прямо рекламная картинка. Николай внимательно следил за работой американца, прикидывая, что бы он сделал на месте его противника.

Слегка поучив своих соотечественников, чемпион обратился к собравшимся с предложением стать его спарринг-партнером.

И тогда Королев встал:

– Я попробую.

– Ты что, Коля, – зашептал старший группы, – ты же без тренировки.

– Ничего, полковник, не бойся.

Американцы радостно зашумели. Такой здоровый русский парень, отличный мешок для ударов.

Королеву нашли подходящую форму и боксерки, и он вышел на ринг.

– Пусть русский друг не беспокоится, я буду работать вполсилы, – перевел слова чемпиона один из офицеров.

– Пусть работает серьезно, – ответил Николай, – а то скучно зрителям будет.

Американец пожал плечами и согласился.

Первые два раунда Королев таскал противника по рингу. Он не нападал, а только уходил от ударов. Делал это так, словно все происходит нечаянно: то оступился, то случайно плечо подставил.

Зал с интересом наблюдал за странным поединком. Американец не на шутку обозлился: вылез какой-то русский парень, малоподвижный, ничего не понимающий в защите и не дает ему провести удар.

В перерыве между вторым и третьим раундом Королев сказал своим:

– Хватит, сейчас начну.

– Давай, – обрадовались чекисты.

Гонг. Он встретил американца на середине ринга. Королев уже не прячется. Бьет. Шаг за шагом. И каждый с тяжелым ударом. Американец прижат к канатам.

Зал замер.

Королев специально открылся. Американец ударил. Королев ушел и ударил вразрез левой.

Противник опустил руки, поплыл.

Теперь правой, резко. Все. Чемпион на полу. Николай наклонился, поднял его, под грохот аплодисментов отволол в угол.

Американец очухался. Смотрит изумленно.

– Кто вы такой?

– Я чемпион СССР Николай Королев. Американец обрадовался. Он много читал о нем, даже фильм видел, снятый на Олимпиаде в Антверпене. Жаль, что не узнал, был бы осторожнее.

Попросил оставить автограф на своей двухцветной перчатке.

Видимо, этот странный бой послужил причиной появления письма, присланного позже из Америки.

Я держал его в руках. Голубоватая бумага с водяным знаком. Темно-синим цветом – название фирмы: «Спортивный клуб XX века, Нью-Йорк».

«Уважаемый господин Королев!

Слава о Ваших успехах как боксера СССР дошла до Америки. Многие американцы говорят о том, что они хотели бы, чтобы Вы продемонстрировали свои способности у нас.

В силу этого самая мощная американская организация в области бокса приглашает Вас приехать в Америку. Организация эта – «Спортивный клуб XX века», представителем которой являюсь я. Наша организация устраивает соревнования по боксу в знаменитом Медисон-сквер-гарден и на всех других больших аренах Америки.

Желательно, чтобы Вы приняли участие в соревнованиях против различных американских боксеров. Это вызовет огромный интерес, поскольку Вы являетесь первым представителем СССР, принимающим участие в соревнованиях по боксу в Америке.

Наша организация просит сообщить о том, хотите ли Вы принять это предложение. Если Вы ответите «да», то в этом случае мы проведем подготовку к Вашему приезду.

В надежде, что эта великая советско-американская антреприза состоится, мы Вас приветствуем.

Искренне *Ваши Майкл Джекобс*, председатель «Спортивного клуба XX века».

Но великая антреприза не состоялась. Не пришлось Королеву встретиться с Джо Луисом, а матч этот, как стало известно, планировался.

Не разрешил Сталин. Он сказал, что, в отличие от американцев, наш чемпион получил два ранения во время войны и может проиграть.

Да, он был два раза ранен. И чуть приволакивал ногу всю оставшуюся жизнь. Хотя это не помешало Королеву вновь стать чемпионом страны, выиграть международную встречу у финнов, получить ленту чемпиона РСФСР.

Но все равно война оставила свой след.

...1941 год. Стадион «Динамо». Здесь Павел Судоплатов из опытных чекистов и спортсменов-силовиков формирует специальные диверсионно-разведывательные подразделения. Позже их назовут ОМСБОН (отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД).

Николая взял к себе адъютантом командир группы Митя – известный чекист Дмитрий Медведев.

Тринадцатого сентября 1941 года отряд Медведева с шестой попытки пересек линию фронта в Жуковском районе Брянской области. Потом, после двухсоткилометрового маршброска, он выдвинулся в лесной массив между городами Людиново, Жиздра и Дятьково.

В этом треугольнике спецназовцы дрались почти пять месяцев. Они совершили пятьдесят диверсий, уничтожили несколько немецких гарнизонов.

Но недаром отряд именовался особым. Центр берег его для выполнения специальных операций.

Ночью Королева разбудил начальник разведки Саша Творогов.

– Коля, есть для тебя необычное дело.

– Всегда готов.

– Мы получили данные, что в Жиздре находится человек, который очень нужен центру. Смотри, – Творогов развернул план городка, – на этой улице в доме, отмеченном крестиком. Его надо взять живым.

– Попробую.

– Пробовать будешь обед у жены. Сказано – живым, значит, живым. Нападение на Жиздру – операция прикрытия твоей группы. Чем быстрее ты возьмешь нужного человека, тем меньше людей потеряет отряд.

Николай Королев так рассказал мне об этой операции:

– Понимаешь, у меня была своя группа. Десять ребят-боксеров. Они в основном все бойцы неплохие. Я про верил ребят в нескольких драках и в ликвидации началь ника русской полиции в Людинове. Фамилия его была Латышев, до прихода немцев он работал в пожарной охране; когда началась война, спрятался в лесу от мобилизации. Пришли немцы, и он предложил им свои услуги. Лично принимал участие в расстрелах наших солдат, попавших в окружение, и подпольщиков.

Операцию эту Саша Творогов с Медведевым продумали тщательно. В общем, подставили ему нашего человека, красивую бабу. Жила она в деревне рядом с Людиновом.

И вот когда Латышев в очередной раз приехал отдохнуть к своей даме, мы его и взяли. Приговор привели в исполнение на месте. Операция была не слишком сложной.

Конечно, я понимал Колю Королева: у войны свои критерии. Для выполнения этой операции группа спецназовцев миновала нашпигованный минами лес, пересекла совершенно открытое поле. Потом они скрытно вошли в деревню, несколько часов ждали в засаде. В любой момент могли напороться на немцев, которые постоянно патрулировали по дорогам и лесам. Но это все Королев называл не слишком сложным.

Продолжу рассказ Николая, как он записан в моем старом блокноте.

– Дом, в котором мы должны были захватить нужного Москве человека, был практически в самом центре городка. Нас вел разведчик из местных. Бывший сотрудник уголовного розыска, знавший все проходные дворы, все проулки в своем городке.

В назначенное время, без происшествий мы заняли позицию рядом с нужным домом.

А как только послышались взрывы гранат и ударили наши пулеметы, одним броском пересекли улицу и ворвались в дом. Охрану ликвидировали. В коридор выскочил офицер в форме СД с пистолетом в руке, но выстрелить не успел. Как на ринге, коронным крюком справа я отключил его. Потом дал ракетный сигнал о выполнении операции, и, запаковав пленного в мешок из-под картошки, не ввязываясь в обычный бой, той же дорогой вытащили груз на окраину Жиздры, а дальше на базу.

По заданию Центра в Жиздре был захвачен некий Корзухин. Но настоящая его фамилия была Львов. Вернее, князь Львов, сын знаменитого министра Временного правительства. Надо сказать, что папенька у него тоже был человеком крутым. После ареста бежал из тюрьмы и с массой авантюрных приключений удрал за границу. В Париже он возглавил «Политическое совещание» – координационный центр по борьбе с большевизмом.

Его сын, Корзухин-Львов, стал профессиональным разведчиком службы безопасности нацистского рейха – СД. До войны он нелегально работал в СССР. В сорок первом дважды переходил линию фронта, налаживая агентурную сеть в Москве. Он знал агентов, явки, пароли. Поэтому и был нужен только живым.

В моем блокноте эта история именуется «Смертельный раунд». Надо сказать, что Николай Королев никогда не рассказывал мне подробностей этого боя. «Вынес раненого Медведева», и все.

Но от комиссара отряда, которому покойный полковник Медведев поведал подробности, я узнал многие детали.

В этом был весь «король советского бокса», человек предельно скромный, напроць лишенный тщеславия.

Вот как все было.

В ту ночь мела пурга. Снег бешено крутился вокруг деревьев. Партизаны почти не спали. Ночь тянулась удивительно долго. Ближе к рассвету ветер утих. Стало слышно, как трещат на морозе деревья. Задымились костры. Повара начали готовить немудреный завтрак. Николай стоял у заснеженной сосны и слушал лес, который жил какой-то своей особой, мирной жизнью. Казалось, что и войны никакой нет. Просто есть тишина, синий пред-рассветный снег. Стук дятла и треск коры.

Взрыв гранаты был неожиданным. Он гулко раскатился по студеному лесу. И сейчас же ему ответили автоматы, зло и сердито.

– Отряд, в ружье! Тревога!

К Медведеву подбежал боец из секрета.

– Товарищ командир! Немцы! Каратели! Окружают!

– Николай! За мной! – скомандовал Медведев и по бежал, на ходу расстегивая кобуру маузера.

Увязая в снегу, они добрались до гребня оврага, залегли за толстые стволы поваленных деревьев. Лежать было неудобно, снег залеплял лицо, скрипел на зубах. Николай поудобнее устроил свой автомат, вставил в гранаты запалы.

Внезапно Дмитрий Николаевич толкнул его в бок. Николай поднял голову. Вот они!

На другой стороне оврага появились черные шинели. Впереди офицер.

Сухо щелкает маузер командира. Эсэсовец катится на дно оврага. И сразу же взметнулся снег, прошитый автоматными очередями. Рассыпавшись цепью, в рост, прижав к животу автоматы, идут фашисты. Летит снег, падают срубленные свинцом ветки.

Сзади заговорили партизанские пулеметы, автоматы, винтовки. Королев, плотно прижав приклад к щеке, ловил на мушку фигурки врагов. Странное ощущение... Все время кажется, что он стреляет мимо. Все время в прорези люди в длинных черных шинелях. Но ничего, патронов хватит...

Отряд постепенно начал отходить.

Внезапно совсем рядом с Николаем разорвалась мина. Потом целый сноп черно-красного пламени. Осколки били по деревьям, срезая кору.

Королев осторожно выглянул из-за ствола дерева. Немцы близко, человек семь ползут по снегу. И тогда он вскочил – назло пулям, осколкам, смерти бросил гранату. Прогрохотал взрыв. Но все наползают и наползают фашисты.

– Уходите, Дмитрий Николаевич, – повернулся Ни колай к командиру. – Я прикрою.

Перебежками, огрызаясь, уходили они в глубь леса. Бежали рядом – он и командир. Вдруг Медведев охнул, опустился на снег.

– Товарищ командир!

– Уходи, Коля! Вдвоем нам не выбраться. Я их задержу.

Дмитрий Николаевич вытер снег с маузера.

– Ну, что стоишь? – повернул он искаженное болью лицо. – Уходи!

Николай молча поднял командира.

– Или вместе выйдем, или уж... Автоматы стегают по деревьям, пули взметаю т снег.

Он бежал, проваливаясь по колено. Сердце стучало, рубашка стала мокрой, пот заливал глаза. Но он бежал. Били по ногам гранаты, спрятанные в карманах, прыгал на груди автомат. Но он бежал. Дыхание горячее и хриплое.

Вот, наконец, под ногами твердый наст. Николай прибавил скорости. Еще совсем немного. Поляна. Дзот. Рыло пулемета. Немцы.

Как же быть?

Он опустил командира на землю.

– Ну, Коля?.. Кажется, все. – Медведев сморщился от боли.

Нет, не все. Есть один выход. И это может сделать только он. Только он, потому что он – боксер.

Но ведь это чертовски опасно. Один шанс из ста. Николай встал во весь рост, поднял руки и пошел. Пошел сдаваться немцам.

– Стой, – сзади хриплый, словно чужой голос Медве дева.

Сухо щелкнул курок маузера.

«Неужели он выстрелит в спину? Тогда уж все... Тогда конец».

Николай шел медленно, все ближе и ближе к вражескому дзоту. Навстречу бежали немцы. Человек пять.

Вот они совсем рядом. Говорят что-то по-своему. Один снимает с него автомат.

Офицер улыбается, хлопает по плечу.

Николая подвели к дзоту, офицер и два солдата спустились вниз, видимо к рации. Остались двое. Они спокойны. Стоят совсем близко. Королев даже чувствовал, как от них тянет перегаром.

«Ну, пора. Вот этот ближе. Всю тяжесть тела в удар».

Раз! И сразу же еще. Раз! Двое лежат на снегу. Теперь гранату!

Тяжело ухнул взрыв. Осел бревенчатый накат. Из входа в блиндаж закурился синеватый дымок. Николай схватил упавший на снег автомат, дал две длинные очереди. Путь свободен!

- Молодец, Коля. А я было...
- Что, Дмитрий Николаевич?
- Да нет, ничего.

Через полчаса их встретили партизанские разведчики. Отряд прорвал кольцо. Ушел буквально из рук смерти. А ночью по рации был получен приказ: «Возвращаться в Москву».

Девятого мая в коммуналке, в узкой комнате Королева собрались его друзья-спецназовцы. Николай всегда приглашал меня. За рюмкой беседа становилась оживленной, и я слушал необыкновенные истории, которые вспоминали эти отважные люди.

Они были в пиджаках, увешанных орденами и медалями, только хозяин сидел во главе стола без наград. Он вообще редко надевал их. Лично я не видел этого ни разу.

Сама жизнь этого человека была легендой. Двести десять раз он выходил на ринг и двести шесть уходил с него победителем.

Он дрался в тылу врага, работал в разведке. А потом занимал скромную должность тренера по боксу в обществе «Буревестник».

Личная жизнь у него тоже не складывалась, только за несколько лет до смерти он встретил женщину, которая стала его нежной женой и верным другом.

Я никак не мог понять, почему власть имущие так плохо относятся к нашему великому боксеру. Узнал я об этом значительно позже, в конце восьмидесятых.

В 1954 году был арестован генерал Судоплатов. Николай Королев написал в его защиту письмо Никите Хрущеву. Разве он мог знать, что его бывшего начальника арестовали по личному распоряжению первого секретаря ЦК КПСС?

Хрущев никому не прощал ничего. Не забыл он и о письме знаменитого боксера.

С тех пор Николая начали «затирать». Его перестали приглашать на официальные встречи, не выбирали в президиумы, не посылали за границу.

Но он все равно оставался легендой. Любимым спортсменом простых людей от Бреста до Сахалина.

* * *

Как сейчас, помню 6 ноября 1965 года. Балашиха. Вечер.

Я вместе с операми угрозыска стоял у отделения милиции, находясь в размышлении, куда пойти, чтобы досрочно встретить праздник.

Ко мне подошел директор клуба машиностроительного завода.

– Я знаю, что вы дружите с Николаем Королевым, не могли бы уговорить его выступить у нас?

– Подождите, – сказал я, зашел в отделение и позвонил Королеву.

Он с радостью согласился. Клуб был полон. Люди стояли в проходах. На сцену поднялся Николай Королев. Зал встал и взорвался аплодисментами. А в задних рядах начали скандировать, как на соревнованиях:

– Король, давай! Король, давай!

Люди любили его. Он был для них символом мужества и доблести.

Книга памяти. Я листаю ее пожелтые страницы и вижу тренировочный зал и ринг, истоптанный нашими уставшими ногами.

И я вновь вижу нашего тренера Николая Королева и слышу его голос:

– Ну что? Разогрелся? Давай на спарринг.

Я приподнимаю шершавый канат и впрыгиваю в светлый квадрат ринга.

Именно там он научил нас главному, что я запомнил на всю оставшуюся жизнь: вставать до счета девять.

Глава 2 Тени

Приговорен к повешению

Восемнадцатого марта 1915 года, в Александровской цитадели в Варшаве началось заседание военного суда под председательством полковника Генерального штаба Лукирского. Слушалось дело по обвинению числящегося по армейской кавалерии полковника Сергея Николаевича Мясоедова в шпионаже в пользу германского Генерального штаба. Подсудимому были предъявлены и другие обвинения, в частности мародерство, но они в процессе судебного заседания отпали.

Дело слушалось при закрытых дверях, без приглашения защитника.

Начался процесс в 10.35 утра и длился шесть с половиной часов. Приговор однозначен: «смертная казнь через повешение». Он был вынесен в 22.30 того же дня.

Решение суда по законам военного времени должен был утвердить Верховный главнокомандующий или его начальник штаба.

В 3.50 19 марта приговор был утвержден и вступил в силу. Когда Мясоедову огласили решение командования, он попросился в туалет, разбил пенсне и пытался перерезать сонную артерию. Но надзиратели помешали, врач оказал надлежащую медицинскую помощь и сообщил, что приговоренный к казни готов.

Его повесили во дворе Варшавской тюрьмы.

При казни присутствовали комендант Александровской цитадели полковник Андрианов, подпоручик Буковский и фельдшер Войцеховский.

Два жандармских унтера дотащили сорокадевятилетнего полковника до виселицы, накинули петлю, и один из них выбил лавку из-под ног осужденного.

Так закончилась жизнь одного из известнейших российских авантюристов.

А на следующий день все газеты империи сообщили читателям, что виновный в поражении наших войск в Восточной Пруссии и Галиции повешен.

Либеральная общественность облегченно вздохнула.

Когда книжная экспансия в доме достигла критического предела, пришлось делать инвентаризацию собственной библиотеки и часть книг отправить в почетную ссылку на дачу.

Дело это хлопотное, приятное, но грустное. Я по сей день не могу просто расстаться с любой из книг собственной библиотеки без душевной боли. Мне все время кажется, что именно отложенную для эвакуации книгу я захочу завтра перечитать или вдруг она понадобится мне для работы.

Книги любят стабильность и оседлость. Я же большую часть своей жизни по стечению обстоятельств жил в разных квартирах, казармах, общежитиях и гостиницах. Поэтому, когда находишь книгу, связанную с прошлой жизнью, радуешься, словно столкнулся на улице со старым знакомым.

Бог знает, из каких завалов я извлек на свет книжку с занимательным названием «Тайны охранки». Написал ее некто И. Павлов, а выпустило в 1917 году издательство «Акционеръ», находящееся в городе Москве на Тверской улице в доме номер 24. На обложке даже телефон написан: 4-70-62.

Труд сей, в мягкой обложке, был напечатан на оберточной бумаге. Неведомый мне автор рассказывал о мерзавцах жандармах, которые боролись с подлинными патриотами —

депутатами Госдумы Пуришкевичем и Гучковым, а также с либеральным Земским союзом и Союзом городов. Пуришкевичу жандармы мстили за убийство Распутина, а Гучкову – за разоблачение их коллеги, шпиона подполковника Мясоедова.

Увлеченный либеральными идеями автор обвинял весь Отдельный корпус жандармов в пособничестве кайзеру Вильгельму.

Перечитав эту книгу сейчас, я почему-то вспомнил многочисленные публикации начала перестройки, раскрывающие изумленным читателям тайны наших спецслужб.

Но тогда, когда я впервые ознакомился с этим сочинением, оно произвело на меня ошеломляющее впечатление.

Книгу эту мне подарил товарищ отца дядя Миша Ксенофонтов, преподаватель истории. Я специально приехал к нему в Колпачный переулок, в старый дом напротив комбината, где выходили все московские газеты, и задал мучивший меня вопрос: «Неужели все жандармы были шпионами?»

Дядя Миша выслушал меня, рассмеялся и сказал:

– Мне тебе трудно объяснить это сегодня. Вырастешь, все поймешь сам.

Надо сказать, что именно этот человек привил мне необычайный интерес к истории. Много позже я сосредоточил свое внимание на событиях начала века – крах империи, Белое движение.

И как ни удивительно, странная книга И. Павлова сыграла в этом не последнюю роль.

Фамилия Мясоедова продолжала регулярно встречаться мне в исторических романах об интересующем меня периоде. В книге «Брусиловский прорыв» прекрасный и незаслуженно забытый писатель Юрий Слезкин отвел «заговору» Мясоедова целую главу. О супершпионе немецкого Генштаба упоминали Марк Алданов, Борис Лавренев и даже Юлиан Семенов. Были и другие сочинения, фамилии авторов просто стерлись из памяти.

В военном училище полковник Кузнецов, читавший курс военной истории, тоже ссылался на Мясоедова как на человека, передавшего немцам секретные документы о планах нашего наступления.

Увлечение историей было моим хобби. Одни собирают марки, другие ордена, а я – книги о жизни страны в начале века.

Только пятнадцать лет назад я начал скрупулезно собирать документы об этом периоде, собираясь написать роман о русской сыскальной полиции.

Вот тогда-то я доподлинно узнал практически все о подполковнике Сергее Николаевиче Мясоедове.

Человек, «деятельность которого изменила ход Первой мировой войны», родился в старой дворянской семье в Смоленской губернии 5 июля 1866 года.

Отец его был долгое время виленским предводителем дворянства. Семья по тем временам вполне зажиточная.

Они определили сына в 1-й Московский кадетский корпус. По окончании его Сергей Мясоедов поступает в Александровское военное училище. Курс он окончил со средним баллом, поэтому после производства в подпоручики 14 августа 1884 года был направлен для прохождения службы в Оренбургский пехотный полк.

Офицерская служба была нудна и малоприятна. Мясоедов командовал полуротой. Учил солдат маршировать, стрелять из винтовки, колоть штыком мешок с соломой.

Пыль. Карты. Скука. Унылые романы с полковыми дамами и скучные посиделки в офицерском собрании.

Перспективы не радовали. Лет через семь получить роту, а потом, если повезет, батальон и уйти в отставку подполковником. Правда, был еще один выход – Академия Генераль-

ного штаба. Это Петербург, общество, благосклонное к генштабистам, удачная женитьба и, естественно, карьера.

Он начал готовиться к поступлению в академию. Вечерами зубрил курс училища, но на отборочных экзаменах в окружной комиссии срезался по второму предмету и вернулся в полк.

Надежда на веселую жизнь в столице развеялась, как пыль на полевых учениях.

Но была еще одна возможность. На помощь пришел отец, имевший огромные связи в западных губерниях.

Поручик Мясоедов пишет прошение о переводе его на службу в Отдельный корпус жандармов. Мало кто из офицеров, утомленных армейской лямкой, старался попасть на эту службу. В крайнем случае они уходили в полицию на хлебную должность пристава. Даже эта, не самая почтенная по тогдашнему пониманию, служба в офицерских кругах стояла выше жандармской.

Но у офицера-жандарма была масса преимуществ, начиная с денежного содержания, кончая возможностями, которыми обладали и обладают по сей день все работники спецслужб.

Сергею Мясоедову повезло необыкновенно. Он попал на пограничную станцию Вержболово. Служба была приятной и, главное, перспективной.

В течение семи лет Сергей Мясоедов становится помощником, а потом и начальником железнодорожного жандармского отделения. Надо пояснить, что железнодорожные жандармские отделения политическим сыском не занимались, а исполняли чисто полицейские и, что наиболее приятно, таможенные функции.

Конечно, пресечение провоза оружия, взрывчатки и нелегальной литературы входило в их функции, но главное было в другом.

Пограничный пункт пересекали не просто чиновники высокого ранга, но и особы королевской крови. В обязанности Мясоедова входила забота об их безопасности.

Сам российский император, проезжая через пограничную станцию, пожаловал умного подполковника золотыми часами из собственной его императорского величества канцелярии.

За тринадцать лет службы на границе Сергей Мясоедов был награжден двадцать одним иностранным орденом. В его формулярном списке я обнаружил такие экзотические награды, как китайский орден Дракона, сиамские ордена Белого слона и Короны, персидскую звезду Льва и Солнца.

Но вместе с ними в табельные дни Сергей Мясоедов вешал на грудь французский крест Почетного легиона, награду, которая высоко ценилась в России.

Если бы тогда еще ротмистр Мясоедов знал, чем это кончится, он бы под любым предлогом отказался 18 сентября 1905 года от приглашения своих немецких коллег приехать на богослужение в церковь в имении германского императора в Роменгтоне, в 15 километрах от Вержболова.

Выходя из церкви, Вильгельм II заметил русского офицера и пригласил его к своему столу на обед. За обедом император провозгласил тост «за русского ротмистра Мясоедова», а после трапезы три часа с ним беседовал. Потом Вильгельм несколько раз приглашал его на охоту и в знак дружбы подарил свой портрет с собственноручной надписью.

Вполне естественно, что Мясоедов об этих встречах немедленно сообщал начальству.

На одном из его рапортов генерал Курлов написал, что признает поведение Мясоедова «антидисциплинарным».

Практически еженедельно Мясоедов отправлял министру внутренних дел Столыпину донесения о том, как он и его сотрудники борются с социалистами, пытающимися попасть на территорию империи.

На самом деле «политики» мало интересовали веселого подполковника, он боролся с контрабандой, естественно, не в ущерб себе. Более того, из пограничного города Эйдкунен он на своем авто вывозил вина и всевозможный немецкий дефицит.

Наконец он устроил семейную жизнь, обвенчавшись с Кларой Голдштейн. Национальность супруги его не особенно волновала, главное, что ее папа, известный коммерсант из Германии, дал за нее сто двадцать тысяч золотом.

Об этом тоже вспомнит через восемь лет судебный следователь Макаров, отрабатывавший линию еврейского заговора против империи.

После женитьбы, приобретя капитал, Мясоедов с головой окунулся в финансовые аферы. Свои коммерческие дела он предпочитал вести на сопредельной стороне.

Вольности эти не слишком нравились особому отделу Департамента полиции. Тем более что желающих занять хлебное место на пограничной станции было предостаточно.

Мясоедов, к которому, кстати, благоволил сам Столыпин, считал, что он настолько набрал силу, что может не считаться с сотрудниками охранного отделения, проводящими на его станции оперативные мероприятия.

Его решили убрать любой ценой. Для этого из столицы в Вержболово был командирован жандармский подпоручик Пономарев. Он начал действовать решительно, в духе охранного отделения, которое никогда не славилось ювелирной работой.

Мясоедов часто ездил по коммерческим делам в Эйдкунен.

Наивный столичный сыщик поручил своему человеку, некоему Юргенсону, подкинуть в авто подполковника тук с контрабандой.

Все складывалось просто, как апельсин. На границе машину останавливают, досматривают, и у Мясоедова начинаются неприятности.

Одного не учел Пономарев. Мясоедов служил на границе более десяти лет и сам весьма умело устраивал подобные провокации.

Подполковник подловил Юргенсона в момент закладки контрабанды в свое авто, жестоко избил его, и Юргенсон не только раскололся, но и написал жалобу на Пономарева.

Мясоедов отправил свой рапорт с жалобой в министерство, но ушлого подпоручика не отозвали.

Тогда Пономарев пробирается на сопредельную сторону, покупает у купца Миллера оружие и динамит, добывает привезенную из России нелегальную литературу и нанимает контрабандистов, которые должны переправить все это через кордон. Естественно, что умелый «охранник» не говорит, какой товар понесут нанятые люди.

Когда я читал эти материалы, то поражаюсь, сколько сил и средств нужно было затратить, чтобы снять с в общем-то небольшой должности одного подполковника. Но потом, изучив внимательно документы, понял, что Сергей Николаевич Мясоедов был не просто жандармским офицером. Благодаря своему посту он обзавелся весьма влиятельными знакомыми, которым оказывал массу всяких услуг. В их число входили знаменитый генерал, ведающий всей разведкой империи, – Федор Палицын, много сенаторов и сама вдовствующая императрица Мария Федоровна. Кроме того, через тестя он имел поддержку определенных коммерческих кругов.

Но вернемся к нашей истории. Груз, подготовленный Пономаревым, был задержан, несчастные контрабандисты отправлены в тюрьму, и началось следствие.

Охранка решила: с контрабандой не вышло, притянем Мясоедова за халатность. Подполковника вызвали в суд, пока в качестве свидетеля.

Но кроме жалобы Юргенсона Мясоедов располагал еще одним документом. Прежде чем пойти к купцу Миллеру, Пономарев обратился с просьбой к владельцу одного магазина переправить оружие и взрывчатку. Тот наотрез отказался, но, будучи агентом Мясоедова, немедленно донес ему об этом.

На суде прокурор обвинил людей Мясоедова в тайной доставке оружия, динамита и нелегальной литературы на территорию империи.

– Нет, – ответил Мясоедов, – мои люди этим не занимаются, это дело охранного отделения. – И предъявил документы, изобличающие Пономарева.

Газеты страны подхватили эту сенсацию. Охранку и ее действия склоняли, как могли.

Столыпин, который раньше относился к Мясоедову с некоторой симпатией, приказал командиру Отдельного корпуса жандармов фон Таубе убрать Мясоедова с границы и «отправить на меридиан Самары».

Однако Мясоедову не хотелось терять прибыльную должность. Он обратился к своим влиятельным друзьям, но даже они ничего сделать не смогли. Пришлось уйти в запас.

Вместе с родственниками жены, братьями Борисом и Давидом Фрейбургами, он организует акционерное общество «Русское Северо-Западное пароходство».

Основная задача новой фирмы – перевозка эмигрантов из России в Америку. Дела идут не блестяще, несмотря на то что новая контора загружает свои пароходы беспаспортными пассажирами.

Жизнь в Петербурге тоже не радует. Мясоедовы никак не могут попасть в петербургское общество. Сергей Николаевич понимает, что у него есть один выход – вновь возвратиться на службу. Он пишет прошение, но Столыпин долго не отвечает.

В 1909 году Клара Мясоедова встретила в доме сенатора Викторова с Еленой Бутович, пока гражданской женой военного министра генерал-адъютанта Сухомлинова.

История отношений киевской красавицы и немолодого генерала обсуждалась во всех столичных салонах. Генерал тряхнул стариной, вспомнил свою кавалерийскую молодость и увез даму сердца прямо из-под носа мужа, богатейшего малороссийского помещика.

Так уж случилось, что женщины подружились и мужья тоже.

Они вместе отдыхают в Карлсбаде, Мясоедов весьма нравится министру, и тот решает помочь ему восстановиться на службе.

И помог. Мясоедов опять был зачислен на службу в Отдельный корпус жандармов и прикомандирован к военному министерству на должность офицера, наблюдающего за революционными настроениями в армии. Говоря по-нашему, он стал первым начальником Смерша.

Беря подполковника на службу, В.А. Сухомлинов даже не предполагал, что сел на пороховую бочку.

Должность военного министра была не только почетной, но и весьма прибыльной. Именно он размещал заказы на вооружение и подряды на снабжение армии. Определенные круги во главе с Гучковым хотели видеть на этой должности генерала Поливанова.

В то время начальником особого отдела Департамента полиции становится полковник Еремин, человек злопамятный и неподкупный. Его звали грозой губернаторов. Именно Еремин за злоупотребления устранил с поста киевского губернатора Клейнгольса, личного протеже императрицы Марии Федоровны, а возглавив Тифлисское жандармское управление, разобрался с наместником князем Воронцовым-Дашковым. За что и получил пост начальника особого отдела.

Политическая полиция никогда никому ничего не прощает – она просто ждет удобного случая. Это было всегда.

Ударить по Сухомлинову решили через Мясоедова. Особый отдел вспомнил о его встречах с кайзером Вильгельмом, о портрете с дарственной надписью, о прусских и баварских орденах, полученных в Вержболове.

В апреле 1912 года глава партии октябристов Александр Иванович Гучков пишет записку о шпионской организации, связанной с министром Сухомлиновым. А 13 апреля того же года в петербургской газете «Вечернее время» появляется статья самого Бориса Суво-

рина «Кошмар», в которой говорилось, что контрразведкой военного министерства заведует австро-венгерский шпион.

На следующий день Гучков дал интервью газете «Новое время», где открыто объявил Мясоедова военным шпионом.

Через несколько дней Мясоедов на ипподроме встретил Бориса Суворина и вызвал его на дуэль.

Звезда журналистики перепугался и ответил отказом, тогда Мясоедов просто набил ему морду на радость многочисленным зрителям.

На этом Сергей Мясоедов не остановился и вызвал на дуэль самого Гучкова.

Поединок состоялся, но обошелся без крови. Согласно офицерскому кодексу честь подполковника Мясоедова была защищена. Но кодекс кодексом, а политика политикой.

И вновь Мясоедову приходится уходить со службы. Правда, на этот раз он был уволен не в запас, а в отставку с хорошей пенсией и правом ношения мундира. Пришлось Мясоедову вновь заниматься коммерцией и доказывать через газеты, что он не шпион.

Надо сказать, что Гучкову не удалось свалить Сухомлинова – Николай II благоволил к военному министру и после его доклада о скандале уволил генерала Поливанова из министерства.

Но у Сухомлинова был еще один враг – великий князь Николай Николаевич, который не мог ему простить инициативу по ликвидации военного совета при министерстве, которое он возглавлял.

Два года продолжались интриги. А тут и война подоспела. После начала военных действий Мясоедов написал прошение об отправке в действующую армию.

Он был аттестован по армейской кавалерии и направлен на фронт.

О том, как воевал Мясоедов, можно узнать из рапорта начальника Игансбургского отряда генерала Архипова начальнику штаба 10-й армии.

В своем рапорте Архипов сообщает, что занимающийся разведкой подполковник Мясоедов проявил себя как отважный офицер: «...Мясоедов имел целью подыскать среди местного населения подходящих для разведывательного дела лиц, принимал неоднократно личное участие в войсковых разведках, высылаемых от командуемого мною отряда, и был при столкновении с противником 4, 7, 12 декабря 1914 года под неприятельским огнем, причем личным примером, неустрашимостью и мужеством показывал пример и ободрял разведчиков, действующих против более сильного составом неприятеля».

Конечно, храбрый разведчик не мог побороть себя и прихватывал из оставленных домов некоторые ценности, что потом на суде ему пытались вменить.

Война началась удачно. Русские войска вторглись в Восточную Пруссию, захватили Галицию. Но бездарность Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича не позволила развить успех.

Он прекрасно командовал парадными, но совершенно не умел воевать, а главное, не слушал знающих генералов своего штаба.

Армия Самсонова была разбита в Восточной Пруссии, австро-венгерские войска начали наступление в Галиции, немцы прорвали фронт в Польше.

Срочно понадобился виновный. Нельзя же было возложить ответственность на члена царской семьи.

А тут 17 декабря 1914 года в Петрограде объявился бежавший из плена подпоручик 23-го Низовского полка Яков Колоковский. Он явился в контрразведку и дал показания, что согласился сотрудничать с немецкой разведкой и получил задание убить великого князя Николая Николаевича, взорвать мост через Вислу, переговорить с комендантом крепости Новогеоргиевск и склонить его к сдаче за миллион рублей.

Подпоручик был отпущен с миром и начал весело проводить время в столице.

Ни о каком Мясоедове на первом допросе ничего не говорилось, но через месяц Колоковский вдруг вспомнил, что засылавший его в Россию лейтенант разведки Бауэр советовал ему в Петрограде связаться с отставным жандармским полковником Мясоедовым.

Восьмого января 1915 года на допросе Колоковский вновь называет фамилию Мясоедова.

Я уже писал, что политическая полиция ничего не забывает. Подпоручику просто приказали вставить фамилию Мясоедова в свои показания.

Кстати, он, хотя и был главным свидетелем обвинения, на суде не присутствовал. Видимо, контрразведка боялась, что он ляпнет что-нибудь не то.

За Мясоедовым было установлено наружное наблюдение, которое ничего не дало.

Время шло, а виновный не был найден. Николай Николаевич нашел его в лице военного министра Сухомлинова. Первым был арестован Мясоедов, потом его жена и все, с кем он имел коммерческие дела или просто встречался. Всего по делу прошло сорок восемь человек.

Это уже была целая шпионская организация.

Генерал Сухомлинов был отдан под суд и приговорен к каторге.

Кстати, Сухомлинова в 1918 году полностью реабилитировала ЧК, освободила и выпустила доживать век за границей.

Вскоре после казни Мясоедова в Германию с секретной миссией был отправлен генерал В.Д. Думбадзе. Он вез секретный пакет. По сей день ничего толком не известно о его переговорах. Но немецкие источники сообщали, что Думбадзе зондировал почву для сепаратного мира.

Он встречался с начальником Генерального штаба германской армии, с заместителем министра иностранных дел, с начальником военной разведки полковником Николаи, который в разговоре сказал, что Мясоедов не был агентом немецкой разведки, а его арестом русские оказали неоценимую услугу его службе.

Что же за услугу оказала русская контрразведка немцам? А очень просто. Сконцентрировав силы на изобличении придуманной шпионской сети, контрразведка позволила настоящим шпионам спокойно работать в русском тылу. Это же Вальтер Николаи повторил на допросе в НКГБ в 1945 году после своего ареста.

Читая материалы по делу Мясоедова, я почему-то вспомнил название фильма Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Нет. Мы ее заново обрели. Как похоже правление Бориса Ельцина на то, что творилось в Петербурге в последнее десятилетие царствования Николая II.

Небывалая коррупция, продажные политики и сановники, думающие только о собственном благополучии и напрочь забывшие об интересах государства и даже торгующие ими.

Но есть и существенная разница. Если в царской России искали «крайнего», то теперь виноватым в наших бедах объявлен весь народ, не сумевший понять всю глубину замыслов реформаторов.

Дача в Сокольниках

Сначала мы ехали на метро до станции «Сокольники», потом на трамвае, который, весело постукивая на рельсах, бежал сквозь сокольнические рощи, мимо аккуратных домиков.

В сорок четвертом году там еще была дачная зона.

Мы ехали на день рождения маминой приятельницы. Дачка их, покрашенная салатовой краской, стояла в глубине участка, почти прикрытая желтыми листьями берез. Солнце, веселый домик, белые березы с облетающими листьями создавали ощущение тихой радости.

Была война, и мужчин на этом празднике жизни оказалось всего двое. Я, одиннадцатилетний оболтус, и отец хозяйки, красивый седой старик в серой железнодорожной форме с серебряными погонами генерал-директора тяги.

Он сразу же взял надо мной шефство, повел в кабинет, показал модели паровозов и одну даже подарил мне. Потом мы пошли гулять, и он рассказывал о замечательных людях, живущих по соседству.

В конце просеки стояла обычная дачка со сплошной застекленной башенкой.

– А это знаменитый дом. В нем зимой восемнадцатого года прятался самый опасный московский бандит Сабан.

Почему-то я запомнил это странное имя.

Время уничтожило сокольнические дачи, вместо них построили безликие домикоробки. Навсегда исчезли из моей жизни веселая мама и ее отец.

Только модель старого пузатого паровозика, стоявшая много лет на книжной полке, напоминала о чудесном осеннем дне в сокольнической роще. И глядя на нее, я вспоминал дом с башенкой и странное имя московского бандита.

Жизнь прилично помотала меня и выбросила в журналистику. И настал день, когда в архиве я листал дело банды Сафонова Николая Михайловича по кличке Сабан.

История – область довольно темная. Знакомясь со старыми документами, я никак не мог понять: кто же все-таки уничтожил эту опасную преступную группировку? Уголовная секция МЧК во главе с Федором Мартыновым или Московская уголовно-разыскная милиция, которой командовал бывший матрос Александр Трепалов.

Документы этих уважаемых организаций, занимавшихся борьбой с бандитизмом, были практически идентичны, словно списаны друг у друга. Как я уже говорил, в те далекие годы зародился антагонизм между сыскарями и чекистами.

Но чем внимательнее изучал я тот период криминальной истории России, тем больше убеждался, что большинство банд помогли ликвидировать криминалисты из Московской сыскальной полиции, состоявшие на службе как в уголовном розыске, так и в ЧК.

В архивных материалах практически ничего не было о том, кто такой знаменитый Сабан. Только несколько фотографий, на которых запечатлен человек с бритым актерским лицом.

В воспоминаниях о знаменитом русском трагике Мамонте Дальском я прочел интересную историю. Великий артист решил сделать своей сценой всю Россию. После Февральской революции он оставил театр и подался в анархисты, постепенно скатываясь к элементарной уголовщине.

Дальский был жуир, гуляка и картежник. Постоянно держал в «Метрополе» номер, где шли бешеные кутежи и карточная игра «по-крупному».

Однажды Мамонт здорово проигрался. Он даже поставил на кон золотую лиру с бриллиантами, которую всегда носил в петлице визитки. Лире эту преподнес ему на бенефисе известнейший нефтепромышленник Манташов.

Выиграл эту красоту Сабан. С тех пор он постоянно носил ее на пиджаке.

Начальник Санкт-Петербургской сыскальной полиции статский советник Филиппов в одном из докладов писал, что «Николай Сафонов (Сабан) при знакомстве пользуется визитными карточками на имя артиста Императорских театров и вообще имеет склонность к Мельпомене».

Но, судя по документам все той же сыскальной полиции, Сабан, несмотря на столь возвышенное увлечение, отличался особой жестокостью при налетах.

Последний раз он загремел на десять лет каторжных работ в 1915 году. Так что, если бы не Февральская революция, звенел бы он кандалами до двадцать пятого года. Но бывший присяжный поверенный, то бишь адвокат, Александр Федорович Керенский, став министром-председателем, объявил всеобщую амнистию.

Удивительное дело. Человек, полжизни проведенный в уголовных процессах, не понаслышке знавший, кто такой русский уркаган, милует своим распоряжением «заблудших детей новой России».

Вот уж воистину был прав член Временного правительства известный террорист и писатель Борис Савинков, изрекший в те месяцы русской свободы: «Морали нет, есть только красота».

По случаю того что все карательные учреждения старого режима были объявлены явлением аморальным, их ликвидировали. Более того, возмущенные толпы революционного народа громили почему-то в Гнездниковском переулке в Москве и на Офицерской в Петрограде помещения сыскальной полиции и уничтожали архивы.

По словам начальника московского сыска Карла Маршалка, толпа громила полностью состояла из уголовников. Демократическая Россия окунулась в уголовный мрак.

У меня нет данных о количестве преступлений в период демократического пира, их просто некому было учитывать, но, судя по тому, что в подъездах доходных домов сидела охрана из жильцов, вооруженная охотничьими ружьями, криминальная обстановка в России была очень серьезной.

Когда я читаю документы о преступности в первой российской демократической республике, то в который раз удивляюсь, как это все экстраполируется на наши дни – период второго русского демократического государства.

Но вернемся в Россию тех славных лет. Николай Сафонов, он же Сабан, стал одним из тех, кого новая власть выпустила на свободу.

По мнению Керенского, все обретшие волю жиганы немедленно вольются в ряды армии для защиты революции от немецкого империализма.

Но никто из российских домушников, конокрадов, карманников, фармазонщиков и налетчиков не явился на призывной пункт, да и какой дурак пойдет кормить вшей в окопы, когда новая власть создала все условия для разбойной жизни.

На Хитровке, в знаменитом трактире «Каторга», даже состоялся митинг, на котором московское ворье полностью поддержало правительство демократической России.

Но вот наступил день, когда на съезде Советов в Смольном Владимир Ульянов (Ленин) всенародно провозгласил: «Социалистическая революция, о необходимости которой так часто говорили большевики, свершилась».

Новая власть начала постепенно восстанавливать карательный аппарат. Он был еще слабым, малопрофессиональным, но уже начал противостоять преступности.

Несмотря на разруху и Гражданскую войну, Москва, ставшая столицей РСФСР, продолжала жить. Электричество подавалось с перебоями, продукты распределяли по карточкам, но работали кабаки, в которых за хорошие деньги можно было достать что угодно, процветали подпольные катраны и дома терпимости.

Сабан сколотил банду из тридцати четырех фатовых ребяташек. Разбил ее на две группы, одной руководил Сашка Андреев по кличке Зюзюка, второй – Колька Павлов – Козуля. Дисциплина в банде была строго военной, за любую попытку неповиновения Сабан лично расстреливал подельников.

По оперативным данным угрозыска и МЧК, в банде был советник из бывших офицеров, именно он разрабатывал тактику налетов. Бандиты были разделены на ударные группы: разведки, захвата, прикрытия и отхода. Каждая из них строго и четко выполняла возложенные на нее функции.

Несколько дней разведчики Сабана изучали все подходы к кассе фабрики «Богатырь». Выяснив, что настоящей охраны там нет, группа захвата ворвалась в помещение кассы и забрала шестьсот шестьдесят тысяч рублей, быстро покинула место преступления и на авто группы отхода скрылась.

Через несколько дней на Страстной площади было совершено нападение на артельщика Александровской железной дороги, у него отняли мешок с деньгами.

На этот раз Сабан был в группе прикрытия. Увидев милиционеров, спешивших на помощь артельщику, он, не раздумывая, бросил гранату. Погибли не только стражи порядка, но и случайные прохожие.

Когда читаешь материалы по банде Сабана, то поражаешься сухому языку оперативных сводок: в нескольких строчках сконцентрированы жестокость, человеческое горе, жизнь и смерть.

«...3. Вооруженное ограбление особняка Иванова на сумму 200 тысяч рублей. В момент налета Павлов по кличке Козуля изнасиловал дочь хозяина особняка...

...13. Вооруженное ограбление и зверское убийство семьи фабриканта Иванова на Дмитровском шоссе. Между руководителями шайки Сабаном и Зюзюкой произошла ссора, результатом которой явилось решение убить всех потерпевших, что и было приведено в исполнение.

Бандиты похитили бриллианты, золотые вещи и ценности на сумму 1 миллион рублей».

Подобных эпизодов в отчете уголовной секции МЧК было около двадцати.

Награбленное увозили на дачу в Сокольники, где и «дувалили» среди членов банды.

Милиция была еще слишком слабой, формировалась из рабочих московских заводов, людей безусловно честных, но, к сожалению, плохо знающих военное дело. А на улицах Москвы постоянно возникали настоящие бои с налетчиками.

В милицию рабочие шли охотно, так как обеспечивались постоянным продовольственным пайком, а с ноября 1918 года – и форменным обмундированием. За светлосерые шинели с красными петлицами блатные прозвали их «снегирями».

Но малочисленная, слабо вооруженная и плохо обученная милиция не представляла для московских налетчиков особой опасности.

Однажды разведка донесла Сабану, что его разыскивает 27-е отделение милиции.

Николай Сафонов был воровским «иваном», он должен был постоянно поддерживать свой авторитет.

Он сам явился в 27-е отделение милиции, открыл шквальный огонь из двух маузеров, угрожая гранатой «мильс» разоружил и разогнал отделение.

Об этом «подвиге» с придыханием рассказывали на воровских малинах. Сабан на долгие годы стал героем блатного эпоса.

Как ни странно, подвел Сабана его кореш по каторге, налетчик Кошельков по кличке Янька.

У новой власти не доходили руки до уголовников. Весь карательный аппарат был сориентирован на борьбу с контр революционными заговорщиками и бывшими союзниками – эсерами и анархистами. Но произошло неожиданное событие, которое заставило большевиков вплотную заняться уголовной преступностью.

Цитирую по отчету уголовной секции МЧК:

«В январе 1919 года на Сокольническом шоссе близ Краснохолмского моста Кошельковым и его сподвижниками Зайцевым по кличке Васька Шофер, Волковым по кличке Конек,

Кирилловым по кличке Ленька Сапожник был остановлен автомобиль, в котором ехал Председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин. Бандиты под угрозой оружия отобрали у Ленина автомобиль, револьвер системы средний «браунинг», документы и скрылись.

У Ярославского вокзала Кошельков, рассматривая отображенные вещи, установил по документам, что ограбленная им жертва является Лениным, немедленно приказал ехать назад с тем, чтобы убить председателя Совета народных комиссаров, однако т. Ленин в это время уже находился вне опасности, в здании Сокольнического совета».

В этом отчете есть одна неточность. После ликвидации банды Конек показал на допросе, что Кошельков не собирался убивать Ленина, а хотел взять его в заложники, чтобы обменять на арестованную угрозыском свою любовницу.

25 января 1919 года Ленин пишет письмо Петерсу:

«Зам. преду ВЧК т. Петерсу

Ввиду того, что налеты бандитов в Москве все более учащаются и каждый день бандиты отбивают по несколько автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается ВЧК принять срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами.

Председатель Совета народных комиссаров

Н. Ленин (В. Ульянов)».

Не надо объяснять, какие меры приняли уголовный розыск и МЧК после этого письма.

Жаль, что какая-нибудь из наших группировок: солнцевская, таганская, мазуткинская – не важно какая, не тормознула отцов нашей демократии, Горбачева или Ельцина. Думаю, тогда они бы, как и Ленин, заставили милицию и спецслужбы принять самые решительные меры для защиты своих сограждан от уголовников. Впрочем, в отличие от первого большевика, их охраняли покруче.

Письмо Ленина было датировано 25 января. А в ночь на 24-е Сабан, озверевший от безнаказанности и кокаина, вывел на улицы Москвы два закрытых автомобиля. (Я уже когда-то писал об этом, но, рассказывая о «знаменитом» бандите, невозможно не упомянуть его самое кровавое преступление.)

В ту ночь мела поземка, и постовые мерзли в своих легких шинелях, с нетерпением ожидая конца дежурства.

Внезапно из темноты, слепя фарами, выехал автомобиль.

– Постовой! Милиционер подошел.

– Как проехать в Оружейный переулок? Постовой наклонился к машине, чтобы показать до рогу, но прозвучал выстрел.

За одну ночь эта сволочь убила в районе Долгоруковской и Лесной улиц и на Тверской заставе шестнадцать рабочих, одетых в новенькую милицейскую форму.

На следующее утро, как и водится, по городу поползли слухи о таинственных «черных мстителях», убивающих большевиков.

А банда Сабана покинула свою базу в Сокольниках и растворилась в январской Москве.

Тогда за поиски налетчиков взялись опытные московские сыщики Иван Свитков и Казимир Кунцевич. Они знали Сабана по своей прошлой работе в сыскной полиции.

В один прекрасный день на Мясницкой была открыта шикарная валютная контора. Улица эта была местом променада бывших московских биржевых игроков. Они с интересом рассматривали сияющие чистые окна, прекрасную дверь с бронзовой ручкой, суетливых служащих в галстуках и визитках.

А в кабаке на углу Столешникова и Петровки, где в тайных комнатах шла крупная карточная игра, появился молодой и элегантный питерский налетчик Борька Студент.

В Москве уголовники прослышали о том, что именно он взял в Питере банк, в сейфах которого лежали кучи золотых империалов. Борька искал подельников для верного дела. Его свели с Сабаном, и Студент предложил ему взять валютную контору на Мясницкой.

– А что там есть? – заинтересовался Сабан.

– У меня там работает любовница, она сообщит, когда к ним привезут полмиллиона французских франков и три тысячи золотых червонцев.

Сабан оставил Борьке человека для связи.

Наконец, связной сообщил ему, что валюта и ценности доставлены.

Разведчики Сабана побывали в конторе и выяснили, что действительно груз прибыл.

И на этот раз действовали как обычно: группа захвата врывается в контору, бойцы прикрытия перекрывали все подходы, шоферы подавали машины.

Борька Студент шел вместе с Сабаном.

Но разведка бандитов не заметила, как за час до начала операции все переулки, подъезды-сквозняки и проходные дворы были блокированы сотрудниками МУРа и МЧК.

Бандиты ворвались в контору, но вместо тихих клерков за барьерами сидели милицейские опера.

Бой был коротким и яростным, но бывают такие непонятные случайности – Сабану удалось уйти из кольца. Банда его была практически уничтожена, а он ушел.

Борька Студент, он же молодой сотрудник МЧК Гусев, погиб в перестрелке.

Любопытно, что ни среди задержанных бандитов, ни среди убитых не нашли военного консультанта банды, бывшего офицера. Задержанные называли только его кличку: Поручик.

На поиски Сабана были брошены лучшие силы. Облавы волной катились по московским кабакам, тайным притонам и малинам, но поиски пока ничего не давали.

Исчез Сабан из столицы. Исчез с концами.

Выплыл он только в Липецкой губернии, в уездном городе Лебедяни. Там жила его родная сестра с мужем и детьми.

Однажды Сабан увидел из окна, как сестра разговаривает с человеком в милицейской форме. «Все, – решил он, – она меня заложила». Сафонов не знал, что «снегирь» – сосед его сестры и попросил у нее соли.

Сабан был невероятно жесток. Он убил сестру, ее мужа и шестерых детей. Восемь трупов лежали на полу в доме.

На выстрелы сбежалась вся улица. Лебедянские мужики выбили дверь. Сабан отстреливался до последнего патрона. Но его все-таки связали и вытащили на улицу.

В официальных документах сказано, что народ потребовал от милиции прилюдно казнить Сабана, а по другим сведениям – его забили насмерть прямо у дома.

Вот как бывает: не случись Февральская революция, не объяви Керенский амнистию, жил бы Колька Сафонов на каторге, ожидая освобождения. Но история распорядилась иначе. И в ней Сабан оставил свой кровавый след.

Маленький пузатый паровозик, подаренный мне инженером-путейцем, много лет стоял у меня в комнате на книжной полке. Я смотрел на него и вспоминал осенний счастливый день в сорок четвертом году.

Когда железнодорожный генерал рассказывал мне о таинственной даче с башенкой, где прятался известный московский бандит, мне как-то не хотелось в это верить, уж слишком хороши были осенние Сокольники.

Нынче, при повторном пришествии демократии, появились еще более жестокие бандиты, чем Сабан. Ежедневно телевидение радостно оповещает нас о новых «мокрухах» и коррумпированности госаппарата.

Но ни блатняки, ни чиновники-хапуги нового образца не смогут отнять у нас красоту осени, прекрасные книги, нежную музыку.

А пока мы будем радоваться этому – мы непобедимы.

Ночь перед расстрелом

Его расстреляли осенью 1924 года в гараже на Лубянке. Приводить в исполнение приговор именно там было очень удобно. Во-первых, заводился двигатель грузовика, работавший на бензоспиртовой смеси. Рев его заглушал щелчки револьверных выстрелов. Во-вторых, кровь легко смывалась с бетонного пола. В-третьих, трупы сразу же грузились в бортовую машину.

В те годы расстрел называли по-разному: «прислонить к стенке», «отправить в штаб к Духонину», «разменять» и т. д. Но это был сленг Гражданской войны. Во времена НЭПа говорили: «Его отправили в гараж».

Любимец гулявой Москвы куплетист Кока пел в московском кабаре «Нерыдай»:

А третий был штабс-капитаном,
И был он отправлен в гараж,
А там был наказан наганом
За Врангеля и шпионаж.

Один из тех, кого расстреляли в то утро, написал в своей исповеди:

«Моральные требования заставляли меня принять непосредственное участие в расстрелах. Я себе сказал: я коммунист, подписываю фактически с полным сознанием своей ответственности смертный приговор врагу рабочего класса, неужели у меня не хватит мужества привести в исполнение этот приговор, я считал недостойным для себя, коммуниста, посылать другого малосознательного товарища исполнять этот приговор, считал недостойным не показать ему пример. В первый момент было тяжело. На войне я убивал много, но там другое дело: там действуешь в пылу аффекта, а здесь сознательно отнимаешь самое лучшее – жизнь. Я не знал, как подойти к первому, боялся, что не смогу сразу убить человека и заставлю его напрасно мучиться. Надо было еще, чтобы револьвер первый раз дал сразу три осечки! Когда упал первый человек, я стоял над ним растерянный. Силы воли было много: взял себя в руки и почти всегда участвовал в расстрелах, причем сознательно никогда не одурманивал себя спиртом, как это обыкновенно делалось. Чека была в то время всё, и обыватели держали курс на Чека. Недаром говорили, что все делятся на сидевших, сидящих и тех, которые будут сидеть. Мое имя гремело в Киеве, меня считали грозой и указывали пальцами...»

(В отрывках из рукописи сохранен стиль и орфография оригинала.)

Имя одного из руководителей Киевской ЧК было Николай Панаретов. Это он написал исповедь, закончив ее за ночь до расстрела. Его биография заслуживает того, чтобы рассказать о нем более подробно.

Когда-то, совсем мальчишкой, я прочитал книгу, поразившую меня, – «Хождение по мукам» Алексея Толстого. Я столько раз за свою жизнь перечитывал ее, что практически выучил наизусть.

Вспомните расхлябанный мягкий вагон, посланцы Махно – Рошин и Лева Задов – пьют спирт и едут в Екатеринослав. Задов говорит Рошину: «Мчусь в кровавом вихре».

Эти слова необыкновенно точно характеризуют всю жизнь непростого человека Николая Панаретова: гимназиста, студента, прапорщика в Первую мировую, партийного функционера РСДРП, чекиста, налетчика.

Странная, жестокая, лихая жизнь человека, попавшего в «кровавый вихрь».

* * *

Отец его был врачом, мать – акушеркой. Потом семья переехала в Томск, где Николай поступил в гимназию. Обычная трудовая интеллигентная семья, не чуждая либеральных взглядов.

В 1911 году Николай Панаретов едет в столицу продолжать учебу. Он поступает в Кронштадтское военно-морское инженерное училище, но быстро уходит из него. Получить после выпуска серебряные погоны и стать на флоте офицером, как говорили тогда, второй категории – не для него.

Он решает делать гражданскую карьеру и поступает в Петербургский университет.

А через два года начинается война. Он освобожден от призыва; студентов тогда до окончания учебы в армию не брали. Но Панаретов добровольно идет в школу прапорщиков, заканчивает ее и попадает на австрийский фронт. Молодой прапорщик принимает полуроту.

Панаретов оказался хорошим командиром, а главное, храбрым. Он первым поднимался в атаку, отважно дрался, удерживая позиции, ходил в ночной поиск за языком. За полгода он получил следующий чин и первые офицерские награды за храбрость.

В одной из атак Панаретов был ранен и контужен и очнулся в плену. И здесь его жизнь больше напоминает авантюрный роман. Он готовил знаменитый побег генерала Лавра Корнилова, трижды бежал сам.

Его ловили, избивали и после третьего побега отправили в спецтюрьму. Там он начал симулировать паралич правой стороны. Австрийские военные врачи не могли его расколоть и решили обменять на потерявшего ноги австрийского офицера.

Обмен происходил на границе Швеции и Финляндского княжества. Когда носилки с парализованным русским подпоручиком перенесли через границу, больной вскочил и, к великому изумлению собравшихся, начал плясать.

В Петроград он вернулся героем. О нем писали газеты, лучшие салоны столицы распахнули для него двери.

Панаретов закрутил ослепительный роман с красавицей фрейлиной высочайшего двора Ганецкой.

Предреволюционный Питер гулял, как перед Страшным судом. Все дни Панаретов проводил в кутежах, благо деньги были, и бесчисленных романах.

И грянула Февральская революция. Пробил час авантюристов всех мастей.

Мадам Ганецкая была близка к самому Керенскому и князю Львову.

Перед героем войны открывались перспективы стремительной карьеры. Но Панаретов уезжает на фронт. Офицеры дивизии встречают его как героя. Еще бы, боевой офицер, оказавший помощь в побеге самому генералу Корнилову.

Но Панаретов игнорирует офицерское собрание, организывает солдатские комитеты и позже вступает в РСДРП. Итак, офицер, увенчанный славой, выбирает большевиков, отка-

завшись от заманчивых перспектив, предложенных правительством Александра Федоровича Керенского.

Почему?

Мне думается, решение это было обусловлено внутренней сущностью Панаретова. Тяжелая доля окопного офицера, плен, побеги, избиение в лагерях и тюрьмах закалили его характер, а природная жестокость искала выхода. Его не устраивало правительство либералов-конформистов. Их деяния были неумелы и бессмысленны.

Вспомним хотя бы знаменитую амнистию уголовникам, объявленную Керенским, который заявил, что выпущенные на волю налетчики, мокрушники, медвежатники и квартирные воры пойдут немедленно на призывные пункты, чтобы защищать либеральные идеи.

Этого не случилось. Россия погрузилась во мрак уголовного террора, тем более что новые карательные органы еще не были созданы, а старые – уже уничтожены.

Я привел лишь один пример, а таких напастей были сотни.

Душа Панаретова тосковала по твердой руке, которая могла бы навести порядок в стране. Поэтому он и выбрал большевиков.

Произошел конфликт между председателем полкового комитета и командиром. Панаретов стреляет в полковника и бежит.

Он уезжает в Киев, где работает врачом его мать. Там и застает его Октябрьская революция. Началась новая страница жизни Николая Панаретова.

Но вернемся на мгновение в московское кабаре «Нерыдай» и послушаем еще одну шансонетку знаменитого Коки:

В те годы грозные я жил на Украине,
Где власть менялась не по дням, а по часам...
Что было, то было.

Немцы, опереточное правление гетмана Скоропадского сменились сечевыми стрельцами Симона Петлюры, потом пришли большевики. Их выбил из города корпус деникинского генерала Бредова, потом опять большевики. Их выгнали из матери городов русских кавалеристы Пилсудского. Но поляки недолго удерживали Киев, они ушли, и вернулись большевики, на этот раз надолго.

Николай Панаретов выбивал сечевиков со станции Киев-Товарная, был начальником секретной охраны города, дрался в партизанских отрядах. Дважды был арестован белой контрразведкой и дважды бежал из-под расстрела, во время последнего побега захватил списки деникинской агентуры и передал их в ЧК.

Его избирают секретарем Киевского горкома партии. Панаретов прекрасный оратор, он умеет разговаривать с рабочими и пользуется на предприятиях города незыблемым авторитетом. Но в двадцатом году Киев захватывают польские кавалеристы. После их ухода Николая Панаретова направляют на укрепление кадров чрезвычайных комиссий. Его назначают начальником одной из ключевых оперативных служб – СПО (секретно-политического отдела).

* * *

Ах, Киев!.. Прелестный и зеленый, несмотря на войны и разруху. На Крещатике на каждом шагу частные рестораны, вареничные, кафе.

В городе наравне с советскими деньгами ценятся золотые царские империалы, польские злотые, немецкие марки и английские фунты.

Спекулянты и валютчики, налетчики и эсеры, белые заговорщики заполняют кабаки и гуляют, словно в последний раз.

Новый начальник СПО становится секретарем партийной ячейки всех карательных органов города, это дает ему неограниченную власть над своими коллегами.

Панаретов был умен и образован. Он знал, что главное в работе оперативника – агентура. Он вербует людей. Спасает некоторых из «гаража» и делает своими осведомителями.

Многие спасенные им из тюрьмы и от расстрела люди будут его верными помощниками и тогда, когда он уйдет из спецслужбы.

Агенты Панаретова открывали кафе и рестораны, создавали тайные игорные притоны и дома свиданий. Туда, как мотыльки на огонь, слетались спекулянты, заговорщики и бандиты.

Новый начальник СПО оказался прекрасным оперативником. Согласно документам, его отделом были за короткое время раскрыты четырнадцать крупных заговоров.

Именно он добил остатки «Азбуки», шпионской организации знаменитого Василия Шульгина, уничтожил деникинскую резидентуру, польские и савинковские подпольные группы, петлюровский центр атамана Ангела, врангелевскую агентурную сеть, франко-чешское разведывательное подразделение.

Но кроме материалов о шпионаже к начальнику СПО стекались сведения о красивой жизни партийной элиты, об их взятках, незаконных реквизициях, кутежах и связях с проститутками.

* * *

Мы за долгое время советской власти привыкли к книгам и фильмам о революции, где говорилось об аскетизме и бескорыстии ее вождей. Мы с детства знали, что дедушка Ленин делил свой скудный паек с детьми, что морковный чай и вобла были основной пищей партийных руководителей. Мы столько раз об этом читали и видели в кино, что поверили этому бреду.

На самом деле все обстояло иначе. Власти предрежащие и тогда и сегодня жили и живут как хотят, ни в чем себе не отказывая.

Красивые сказки – для дураков.

Вернемся к исповеди Николая Панаретова. Я уверен, что человек, знающий, что его расстреляют, не станет кривить душой. Он сам, глядя на партийную элиту, решил жить красиво.

«Постепенно меня заела власть, и я сам обюрократился. Переехал из рабочего квартала в центр, занял квартиру, появился повар, комнаты обвесились коврами, сбросил старую фуражку и теперь стал тщательно одеваться, пешком уже отвык ходить, постепенно втягивал машинально и жену. Она в то время уже была членом партии и работала казначеем Губкома. У нее появился котик, шелковые платья.

Все это было так просто, написал записку в хранилище и конец, казалось, никакого злоупотребления нет, и вдобавок все так делают на твоих глазах».

Хочу пояснить, что хранилище было местом, куда свозились реквизированные у населения ценности.

Панаретов умело использовал агентурные данные при дележке ценностей. Парработникам это не понравилось, и его направляют председателем ЧК в Умань. В самый центр желто-блакитного бандитизма.

Как пишет Панаретов, здание ЧК в Умани находилось в чудовищном состоянии. В нем даже не был оборудован тюрпод.

Я долго искал разъяснение загадочного слова, пока не выяснил значение этой аббревиатуры.

Тюремный подвал. Вот по какому поводу переживал новый председатель Уманской ЧК.

Панаретов сделал тюрпод, более того, создал специальную кавалерийскую часть, поставил как надо оперативную работу и в несколько месяцев с невероятной жестокостью разгромил в уезде банды.

Кажется, надо праздновать победу. Враг разгромлен, чекистская работа налажена. Но те, кто перевел его в Умань, были людьми памятьливыми.

Сначала его замучили проверками, которые не нашли ничего предосудительного. А потом грянула знаменитая партийная чистка.

Вот и его, как бывшего офицера и разложенца (вспомнили повара, квартиру в центре, ковры), исключили из партии и уволили из ЧК.

Проголосовали и пошли в свои увешанные коврами квартиры пить «мартель» и рассуждать о чистоте партийных рядов.

Панаретову не зачли ничего. Ни побеги из белой контрразведки, ни ликвидацию антисоветских центров, ни вычищенный от бандитов уезд.

На заседание парткомиссии пришел известный на Украине чекист, чью работу в свое время высоко оценил представитель ВЧК Николай Реденс. А вышел из здания молодой человек без работы и перспектив.

Вышел озлобленный, ненавидящий, но не сломленный.

Панаретов быстро нашел себе весьма прибыльное занятие. Его приютил Леонид Гацук, которого он в свое время спас от «гаража», сделал своим агентом и открыл для него кафе. Леонид помнил добро и приспособил бывшего опера к делу, связанному с контрабандой. По подложным документам он ездил в Польшу как представитель Киевского военного округа и закупал там товар, который нелегально переправляли к ожидавшему в погранзоне Панаретову.

За несколько месяцев тот стал хорошо разбираться в драгоценных камнях, мануфактуре и парафине.

Появились приличные деньги. Вновь начались кутежи и романы.

Но в начале двадцать второго года пограничники накрыли контрабандное окно через границу. Панаретова спасла лошадь-зверь, унесла его от погони.

Надо было начинать новое дело. Вместе с ним контрабандой занимались братья Партер, лихие одесские жулики. Они спекулировали, подделывали платежные поручения, печатали фальшивые деньги.

Но быть обычным аферистом и спекулянтом Николай Панаретов не мог. Он любил риск. И начал сколачивать банду налетчиков. Оружия у него было дос таточно. Револьверы, пистолеты разных систем и даже гранаты. Все это он прихватил на всякий случай, уходя из ЧК.

Он был слишком опытным оперативником, поэтому в банду отбирал людей проверенных. А «пробивал» он их через свою старую агентуру, которой в свое время наспиговал Киев.

У него оставались свои люди в ГПУ и в милиции, они тоже не отказывали в помощи своему бывшему коллеге, тем более что он щедро оплачивал услуги.

Наконец состав банды определился. В нее вошли братья Партер, Гацук, Мошенберг и известный налетчик Леня Киевский. Наводку Панаретову давали его бывшие агенты. Из осторожности он использовал их лишь для одного дела. Рассчитывался и больше не встречался.

На первое дело дал подвод бывший стукач Сузиков. Он поведал своему шефу, что в квартире дома на углу Фундуклевской и Нестеровской под кроватью должен находиться чемодан с крупной суммой денег и ценностями.

Они ворвались в квартиру бывшего сахарозаводчика, положили хозяев на пол. Но искомого чемодана не нашли. Как потом выяснилось, хозяева переставили его в другое место.

Взяли серебро, мануфактуру, немного денег, украшения хозяйки квартиры.

На дело Панаретов пошел загримированный, а все остальные закрывали лица платками.

Добыча была небольшой, но первый шаг был сделан. Добытое немедленно продали, а деньги поделили. Панаретов делил честно, в равных долях.

Потом было совершено еще несколько удачных налетов на квартиры киевских спекулянтов. По городу поползли слухи о новой загадочной банде, которая грабит только богатых.

В ноябре 1922 года у Владимирского собора банда напала на артельщика Сахартреста. Гацук отключил его ударом по голове, а Панаретов забрал корзину с деньгами. Там было девяносто миллионов рублей, что даже по тем временам считалось крупной суммой.

Это были уже не перепуганные спекулянты. Бандиты подняли руку на госсобственность, и сразу же ими стали заниматься серьезно.

При чтении рукописи Панаретова поражает обыденность в совершении преступлений. Вошли, заняли квартиру, собрали всех в одной комнате, начали искать деньги и ценности. Забрали и ушли, предупредив, чтобы из комнаты никто не уходил, так как на ручке двери висит граната...

Панаретов писал о налетах, как о привычной и однообразной работе. Для него, привыкшего проводить масштабные и хитроумные оперативные комбинации, она была именно такой.

Только об одном неудавшемся налете он пишет более красочно, и только потому, что там была перестрелка.

Бывший агент Саша Лысый поведал Панаретову, что его сосед, командир из дивизии Григория Котовского, тайно переправляет по приказу начдива за границу сто тысяч золотых рублей.

Все как и нынче: герои революции прячут награбленное за кордоном.

Но вернемся к налету. Панаретов постучал в дверь и сказал, что у него срочный пакет от начдива Котовского. Однако лихой красный конник сразу понял, что это туфта, и начал из маузера палить в дверь. Бандиты выбежали на улицу и бросились к машине. А brave котовец бил по ним с балкона пятого этажа.

К счастью для людей Панаретова, он был пьян и никто не пострадал. Но история эта наделала много шума. Тем более что на счету у банды уже было более десятка налетов.

Начался активный розыск налетчиков. Панаретов меняет квартиры, ходит по улицам загримированный. Но все же совершает налет на квартиру мануфактурщика Хазанова. Там, кроме хозяев, были гости, и один из них, несмотря на грим, опознал бывшего чекиста.

Теперь делом банды занялось ОГПУ. Это уже было серьезно, тем более что чекисты знали, кого искать.

Бывший коллега, начальник раймилиции сделал Панаретову и его людям новые документы, и они уехали в Москву.

Надо сказать, что в своей исповеди Панаретов подробно пишет о всех бандитах, мошенниках, фальшивомонетчиках и спекулянтах. О налетах и аферах. Но не называет никого из бывших коллег, помогавших ему.

Даже бывших агентов не называет, кроме одной фамилии человека, давшего первый подвод, который, как выяснилось, через шесть месяцев умер.

Итак, Москва. Разгар НЭПа. Рестораны, кабаре, театры, казино.

Деньги были, тем более что Исаак Партер напечатал огромную сумму фальшивых червонцев, которые Панаретов с компанией втюхали доверчивым лохам в Сызрани, Казани, Самаре. Но никаких денег не хватало Панаретову на разгульную жизнь.

Начался роман с известной опереточной дивой, и, конечно, казино съедало «нажитые» червонцы. В казино у столов с рулеткой собирался весь цвет столичного блатного мира.

Панаретов осторожно заводил новые контакты. Это в Киеве у него были агенты и кореша в ЧК и милиции. В Москве он должен начать с нуля. Деньги кончались, и он стал готовить первый налет в столице.

Весной 1923 года по собственной разработке банда Панаретова совершает первый налет – на квартиру по адресу Солянка, дом номер 1. Хозяин, некто Айзенфельд, имел свой магазин на Никольской.

Взяли немного. Срочно начали готовить новое дело. В Москве Панаретов сотоварищи совершил за полтора года более десяти налетов.

И хотя его бандой занималась бригада ОГПУ по борьбе с бандитизмом, возглавляемая лучшим оперативником того времени Федором Мартыновым, Панаретов все время исчезал из поля зрения чекистов.

Он не имел связей с уголовным миром Москвы и свои налеты готовил сам, проводил тщательную оперативную проверку.

Несмотря на оперативную подготовку, хитрость, осторожность, он, как и большинство бандитов, погорел на скупщике краденого, хотя Самойлович, его человек, был тоже киевлянином и сбывал награбленное киевским «коллегам». Но в бандотделе ОГПУ тоже сидели не дураки. Операцию по задержанию Панаретова они начали через киевскую агентуру и вышли на человека, который сбрасывал товар, привезенный из Москвы. Николая Панаретова взяли на квартире Самойловича.

Ну а потом – скорый суд и расстрел.

В тюрьме Панаретов пишет свою исповедь, которую закончил, по словам Мартынова, в ночь перед расстрелом.

* * *

Бывший студент, офицер-герой, секретарь Киевского горкома партии, один из руководителей ЧК становится бандитом. Удивительная метаморфоза.

Но давайте вспомним знаменитого питерского бандита Леньку Пантелеева, тоже работавшего в ОГПУ и незаслуженно выгнанного.

Я вернулся к делу Панаретова, с которым познакомился в 1990 году, после документального фильма, однажды показанного по ОРТ, о молодых ребятах-спецназовцах, ставших наемными убийцами. Они мужественно воевали во всех горячих точках, были награждены орденами и медалями, хотели остаться служить, но их вышвырнули на улицу. Видимо, новой власти стали не нужны высокопрофессиональные и преданные родине солдаты.

На моей памяти вернувшиеся в сорок пятом молодые лейтенанты, не найдя себя в мирной жизни, уходили в криминал.

Я не хочу оправдывать бандитов и убийц. Но ведь начинали они жить иначе.

Начальник Петербургской сыскной полиции на допросе в комиссии Временного правительства по расследованию преступлений старого режима сказал:

– Россия – это страна, где не умеют ценить людей.

Кто бы ни правил на Руси – царь, Центральный Комитет, президент, – отношение к людям не меняется. В этом, видимо, и заключается загадка «таинственной русской души».

Убит в перестрелке

В нашей квартире было много книг. Они теснились на огромных полках в моей комнате, в коридоре, столовой. Полки были сработаны из мореного дуба, совершенно открытые. Книги покупали мои родители, любившие читать и привившие мне с раннего детства трепетное отношение к книгам.

Библиотека была довольно пестрая и собиралась по вкусам семьи. Отец любил исторические романы, мама предпочитала легкое чтение.

Но в кабинете отца стоял таинственный книжный шкаф. Он был всегда заперт, а застекленные дверцы закрывала темная материя. Больше всего на свете мне хотелось проникнуть именно в это таинственное хранилище человеческой мудрости.

Я быстро образовывался во дворе, рядом с которым бушевал Тишинский рынок, знаменитая блатная толкучка. И кореша у меня были соответственные. На первом этаже жил замечательный парень Валька по кличке Китаец, хотя ничего общего этот веселый блондин с многомиллионным населением страны за Великой стеной не имел. Он был отчаянным книголюбом, работал на заводе слесарем, и о нем все во дворе говорили: «Золотые руки».

Я поведал Вальке о таинственном книжном шкафе. Когда никого дома не было, Валька зашел ко мне, осмотрел шкаф и весело сказал:

– Не трухай, откроем.

Открыть-то было делом несложным, но, чтобы замести следы, следовало закрыть застекленную дверцу. Это прекрасно понимал мой поделльник. И хотя отца дома не было, он занимался чем-то за пределами СССР, на посту оставалась мать, которая пользовалась изощренными методами наказания, как то: «две недели без берега».

Каждый день Валька давал мне вариант ключа, и я пробовал его.

Наконец заветный шкаф открылся. Каково же было мое разочарование, когда я увидел в нем кучу книг на немецком и английском, какие-то учебные пособия Военной академии, старую Военную энциклопедию. Ничего, что могло бы заинтересовать меня, я не обнаружил.

Я уж совсем собрался закрыть шкаф, как в углу заметил желтоватую обложку. Я потянул и не ошибся.

Л. Шейнин. «Записки следователя». В углу была таинственная надпись «Для служебного пользования», стоял номер с двумя нулями, цифры я не запомнил. Оговорюсь сразу: после 1953 года книга эта выходила огромными тиражами практически во всех издательствах страны.

Пугающий гриф «Для служебного пользования» вразумил меня, что сей труд из квартиры выносить нельзя. Мы с Валькой читали книгу в моей комнате, когда никого не было дома. И с каждым очерком погружались в мир уголовной романтики.

Особенно сразил нас рассказ о знаменитом питерском налетчике Леньке Пантелееве. Мы были потрясены его романтическим размахом и особым уголовным шиком.

Цитирую по книге Льва Шейнина:

«Но больше всего он любил появляться в нэпманских квартирах в те вечера, когда там пышно справлялись именины хозяйки, или свадьба, или праздновалось рождение ребенка. О таких семейных торжествах Ленька загадочными путями узнавал заранее.

В этих случаях Ленька всегда появлялся в смокинге, далеко за полночь, в самый разгар веселья.

Оставив в передней двух помощников и сбросив шубу на руки растерявшейся прислуге, Ленька возникал, как привидение, на пороге столовой, где шумно веселилось избранное общество.

– Минутку внимания, – звучно произносил он, – позвольте представиться: Леонид Пантелеев. Гостей прошу не беспокоиться, хозяев категорически приветствую!..

В комнате немедленно устанавливалась мертвая тишина, изредка прерываемая дамской истерикой.

– Прошу кавалеров освободить карманы, – продолжал Ленька, – а дамочек снять серьги, брошки и прочие оковы капитализма...

Спокойно и ловко он обходил гостей, быстро вытряхивая из них бумажники, драгоценности и все что придется.

– Дядя, не задерживайтесь, освободите еще и этот карман... Мадам, не волнуйтесь, осторожнее, вы можете поцарапать себе ушко... Молодой человек, не брыкайтесь, вы не жеребенок, корректней, а то хуже будет... Сударыня, у вас прелестные ручки, и без кольца они только выиграют.

Не проходило и десяти минут, как все уже были очищены до конца.

– Семе-э-н! – кричал Ленька в прихожую, и оттуда вразвалку, как медведь, медленно и тяжело ступая, выходил огромный, косолапый дядя с вытянутым, как дыня, лицом. – Семе-э-н, – продолжал Ленька с тем же французским прононсом, – займитесь выручкой.

Помощник, сопя и тяжело вздыхая, укладывал в большой кожаный мешок груды часов, бумажников, колец и портсигаров.

За столом по-прежнему царил мертвая тишина. Когда Семен кончал свое дело, Ленька снова отсылал его в прихожую и садился к столу.

Он молча наливал себе бокал вина и, чокаясь с хозяйкой, пил за ее здоровье.

Потом, сделав изысканный общий поклон, он удалялся, не забывая оставить в прихожей свою визитную карточку».

Прочитав этот отрывок, я представлял себе высокого элегантного красавца, забирающего деньги у проклятых буржуев, и никак не мог понять, почему угрозыск защищает нэпманов, которые, как объясняли нам в школе, «ведрами пили кровь рабочего класса».

Тогда я так и не узнал, кем был этот таинственный питерский Робин Гуд.

Лев Шейнин писал, что Ленька Пантелеев – бывший телеграфист, до революции должность эта считалась весьма почтенной, начитавшийся авантюрных романов.

После каждого налета он оставлял на месте преступления свою визитную карточку: «Леонид Пантелеев – свободный художник-грабитель». На ней четким конторским почерком он писал: «Работникам уголовного розыска с дружеским приветом. *Леонид*».

Кроме того, по словам Льва Шейнина, Пантелеев отправлял в питерские институты деньги для нуждающихся студентов.

Много позже, занявшись криминальной историей, я выяснил, что визитные карточки «на меловом картоне» оставлял известный до и после революции вышеупомянутый знаменитый налетчик Николай Сафонов по кличке Сабан, а деньги в Московский университет отправлял его бывший студент Гришка Адвокат.

Так что образ Леньки Пантелеева, налетчика с галантерейными манерами, был, мягко говоря, собирательным.

Его родители подались в Питер из Жиздринского уезда Калужской губернии в конце XIX века. Иван Пантелкин был согласен на любую работу, чтобы прокормить семью. Сначала они осели в Тихвине, где в 1902 году родился Леонид Пантелкин, будущий налетчик Ленька Пантелеев.

Его отец все-таки обустроился в Питере на фабрике.

Детство Леньки было обычным для таких пацанов из рабочих бараков.

Но он все же окончил начальную школу, что по тем временам было вполне приемлемым образованием, тем более что по окончании он получил похвальный лист «за усердие, прилежание и достаточные успехи».

Не знаю, сыграла ли эта научная награда решающую роль в его дальнейшей судьбе, но ему удалось устроиться учеником в типографию газеты «Копейка».

Первый год он усердно обучался тонкостям набора со шваброй и тряпкой в руке. Рабочий день его длился не менее одиннадцати часов. Он мыл пол, протирал наборные кассы, сортировал свинцовые литеры.

Потом его сделали наладчиком, а позже – учеником наборщика.

Война. Наборщики призваны в армию, и Ленька Пантелкин становится полноправным типографским специалистом. Надо сказать, что в те времена профессия наборщика хорошо оплачивалась.

Ленька Пантелкин стал, несмотря на молодость, вполне солидным человеком. Он много читает, тем более что книги набирались в его типографии.

Революцию семнадцатого он встретил как праздник. Несмотря на молодость, записался в отряд Красной гвардии и после работы шел на военную учебу.

После Октябрьского переворота Пантелкин получил первое боевое крещение: вместе со своим отрядом штурмовал Владимирское юнкерское училище. Тогда впервые он увидел смерть, впервые стрелял, стараясь попасть в человека.

А в 1918 году отряд красногвардейцев бросили под Нарву. Необходимо было любой ценой остановить наступление немцев.

Бой был коротким. Немцы, вояки опытные, наголову разбили рабочий отряд, и Ленька попал в плен.

Правда, в этом бою он впервые убил человека.

Бежал Пантелкин из плена в апреле девятнадцатого года. С трудом он добрался до Ямбурга и решил не возвращаться в голодный Петроград, тем более что почти все типографии в городе были закрыты. Он записывается в регулярную Красную армию. Его с радостью зачисляют в красноармейцы, но в звании этом высоком он ходит недолго. Как потомственного пролетария его переводят в особый отряд ВЧК.

Начались «суровые чекистские будни». Отряд изымает хлеб у кулаков и мануфактуру у фабричных, берет золотишников и охраняет важные объекты, арестовывает и расстреливает врагов революции. Ленька Пантелкин был беспощаден к ним. Приводил приговоры в исполнение охотно и старательно.

Это не осталось незамеченным. Красная армия выбила части Булак-Балаховича из Пскова, и Ленька становится комиссаром (оперуполномоченным) Псковской ЧК.

Итак, ему семнадцать лет. Он носит кожаную куртку и фасонистые сапоги, на поясе у него болтается маузер, а главное, он получил неограниченную власть над людьми. Он может арестовать и освободить, расстрелять или помиловать.

И именно это пьянит молодого Леньку Пантелкина сильнее, чем самогон или спирт. Через несколько месяцев его, как молодого и растущего оперативника, отправляют на учебу в Петроград.

В 1921 году, поступив на работу агентом-контролером в Псковскую транспортную ЧК, Ленька меняет фамилию на более благозвучную. Так появляется новый сотрудник – Леонид Пантелеев. Под этой фамилией он становится кандидатом в члены ВКП(б).

Гражданская война уходила в прошлое, жизнь налаживалась. НЭП открыл новые перспективы для деловых людей. Леонид Пантелеев по-прежнему получал паек и мизерную зарплату.

Но однажды в пивной «Кострома» он и его коллега Варшулевич знакомятся с неким Васильевым, который предлагает им выгодное дело.

Не надо грабить и убивать, нужно лишь встретить Васильева в Питере и проводить до Пскова.

Так Ленька и Варшулевич стали крышей сбытчика краденого. Васильев возил к границе меха и ценности, взятые бандой питерских налетчиков. Васильев щедро расплачивался со своими телохранителями.

У Леньки появились неплохие костюмы, часы, обувь. Были деньги на баб и выпивку, и жизнь казалась необыкновенно прекрасной.

Новый, двенадцатый по счету, председатель Питерской ЧК Мессинг решил покончить с бандитизмом в колыбели революции и попросил помощи у Федора Мартынова, начальника особой группы по борьбе с бандитизмом.

В Питер приехали московские опера, которые начали аккуратно и оперативно грамотно разрабатывать крупные банды.

Для Пантелеева это кончилось трагически. Однажды, когда они встретились с Васильевым, их повязала особая группа.

Так попал доблестный чекист в губернский домзак номер 1 на Шпалерной улице. Его не расстреляли, что по тем временам было крайне странно. Но об этом мы поговорим позже.

Отсидел Ленька в домзаке три месяца и вышел на волю чекистом-расстригой. Правда, в камере он подружился с неким торговцем Вельманом, который на самом деле был зловредным наводчиком.

Мандата нет. Маузер отобрали. Славное время власти над соотечественниками закончилось.

Многие, кто до меня писали о Леониде Пантелееве, считали, что в налеты он пошел от жадности риска и любви к красивой жизни. Но из многих недоговорок старых сыщиков я понял, что Леньку не просто помиловали на Шпалерной улице. Он вышел, и сразу же начались налеты на квартиры самых знаменитых нэпманов – меховщика Богачева, доктора Грилихеса, ювелира Самойлова.

Те, кто впоследствии будет давать показания по налетам, отмечали, что Ленька жил скромно и никаких особых денег и ценностей у него не было.

Как водится на Руси, власть всегда нуждается в деньгах, в том числе и родная советская, которая добывала их любыми путями.

Есть версия, которую, кстати, поддерживает мой коллега Гелий Рябов, написавший сценарий фильма «Рожденная революцией», что Ленька просто экспроприировал ценности для питерского ОГПУ.

Иначе чем объяснить, что он не взял ни одной государственной копейки и не ограбил ни одного человека, не имевшего отношения к коммерции. А такие люди в Питере были. Актеры, инженеры, партработники, художники.

Налетчик подобного уровня вполне мог оприходовать пару трудсберкасс и унести приличный куш.

Но Ленька Пантелеев почему-то этого не делал.

Почему? Для чего он представлялся нэпманам полным именем? Чтобы показать свою удаль? Нет. Он был оперативником ЧК и знал отлично, что такое конспирация. Ни на одном из налетов он не пролил ни капли крови.

Пистолет использовался только для утешения.

Но кроме ГПУ в Питере был уголовный розыск. В отличие от столицы, где партчинуши незамедлительно выгнали всех старых сыщиков, в Питере работали такие мастера-криминалисты, как бывший начальник сыскальной полиции Андрей Кирпичников, Сергей Корнев, Андрей Горин. Они выучили оперативному мастерству лучших советских сыщиков тех лет – Ивана Бодунова, Сергея Кондратьева, Михаила Суббота.

Леньку Пантелеева взяли в обувном магазине Бекли на Невском. Он выбирал себе новые фасонистые туфли. Брали его Бодунов, Шальдо и Бардзай.

Там впервые Ленька применил оружие и тяжело ранил инспектора Пашу Бардзая, который через час скончался в Конюшенной больнице.

Пред светлые очи начальника губернского угрозыска Леонида Петржака Пантелеева доставили еле живого. Видимо, опера били его от души.

Его отправили в «Кресты», но он бежит оттуда. По сей день неизвестно, как это случилось.

Л. Шейнин намекал, что питерские бандиты организовали побег своему кумиру. Но Ленька не был связан с уголовным миром!

Предположение, что Леньку Пантелеева из-под стражи освобождает эсер, вряд ли верно. Судя по некоторым документам, которые мне довелось читать, и по рассказам бывалых людей, все выглядело совсем иначе.

Ленька бежал с подельником. Им в руки неведомым образом попал план тюрьмы с отмеченными крестиками дверями, которые были не заперты. Несколько раз во время побега кто-то выключал электричество в «Крестах».

В газете «Известия» за 1922 год появилась заметка, в которой автор требовал ввести на нэпманов новый налог – ресторанный. Поел икры и жареного поросенка, попил шампанское и шартрез – плати вдвое против цены.

Деньги должны идти в Поволжье, где пухнут и умирают от голода люди.

Возможно, в 1922 году деньги, собранные у нэпманов, шли в «Помгол», так именовалась организация, оказывающая помощь голодающим.

Работа Леньки Пантелеева на ОГПУ в качестве экспроприатора – моя версия, основанная на документах, рассказах и некотором жизненном опыте, приобретенном в течение продолжительной жизни в нашей стране.

Но версия версией, а теперь вернемся к установленным фактам.

Итак, Пантелеев на свободе. Из «Крестов» вышел человек, ненавидящий сотрудников угрозыска и, как говорили очевидцы, поклявшийся отомстить им.

Кстати, ему удастся узнать адрес Сергея Кондратьева, одного из оперов, лупивших его. Вместе со своим подельником Гавриловым Ленька едет за город, где снимал комнату Кондратьев, но застаёт дома только его жену Машу. А с бабами Пантелеев не воевал.

После «душевной беседы» на Дворцовой, стоившей Леньке сломанных ребер и выбитых зубов, он становится неуправляемым. Он грабит и убивает всех подряд, независимо от социального положения.

Теперь стреляет первым. А надо сказать, что это Пантелеев умел делать. Обучаясь на курсах ВЧК, он прошел спецподготовку по стрельбе и умел поражать противника с двух рук в движении, сквозь карман, научился вести огонь «флешем» – особым приемом, которым пользуются в спецвойсках по сей день.

Итак, он применяет оружие исходя из старой военной мудрости – хорошо стреляет тот, кто стреляет первым.

За январь 1923 года он убил десять человек и «слепил» больше двадцати гоп-стопов, то есть уличных грабежей, и пятнадцать налетов.

Если до 4 сентября 1922 года он никогда не пускал в ход оружие, то теперь делал это постоянно.

Оперативники знали его блатхаты и все время устраивали там засады. Но Ленька всегда уходил, оставляя кровавый след.

На одной из малин, почувствовав опасность, он с порога начал стрелять, завалив хозяйку и двух оперов ГПУ.

Среди питерских налетчиков, с которыми Пантелеев сблизился после своего побега, он получил кличку Ленька Фартовый. Фарт – это воровская удача. А она не может длиться бесконечно.

Двенадцатого февраля 1923 года молодой опер ГПУ Иван Бусько получил задание организовать засаду на малине по Можайской улице. И вышел в адрес с пятью бойцами. Молодого и не очень опытного опера отправили туда для профилактики, не надеясь, что он встретит там Пантелеева.

А ночью в угрозыск сообщили, что на Можайской перестрелка, есть убитые и раненые. Неужели Пантелеев все-таки пришел туда и перебил засаду?

Когда сыскари из 3-й бригады угрозыска примчались на Можайскую, то увидели живого и здорового Ваню Бусько и лежащего на полу человека в кожаной куртке и щегольских хромовых сапогах. Рядом с убитым валялись маузер и браунинг. Это был Пантелеев, и убил его паренек, всего лишь месяц назад зачисленный в ГПУ.

В соседней комнате под стволами карабинов сидел известный налетчик из его банды Мишка Корявый.

Наутро все питерские газеты сообщили о гибели бандита. Труп Пантелкина-Пантелеева был выставлен на всеобщее обозрение в морге Александровской больницы.

У каждого времени свои герои. Ленька Пантелеев сначала был действующим лицом криминальных очерков питерских газетных репортеров, потом героем воспоминаний сыщиков, потом материализовался на телеэкране, а в двадцать пятом году в ленинградском художественном альманахе «Ковш» появилась поэма Вероники Полонской «В петле».

Приведу лишь одно четверостишие:

Ленька Пантелеев
Сыщиков гроза,
На руке браслетка,
Синие глаза...

Позже в очерке Льва Шейнина перед читателями предстал элегантный высокий красавец бандит.

Бывший прокурорский генерал, ставший в свое время известным литератором, сочинил трогательную историю питерского бандита с жестокой любовью и буффонадным описанием налета. И не зря он в своей книге назвал его бывшим телеграфистом, видимо вспомнив незабвенного Ятя из чеховской «Свадьбы».

Но я могу его понять. Написать в те годы подлинную трагедию рабочего паренька, красноармейца, чекиста, который погнался за легкой копеечкой и потерял все, было просто невозможно. Ведь в наших органах работали люди «с пламенным сердцем, чистыми руками и холодной головой».

Шейнин даже портрет Пантелеева написал заведомо неточно. На самом деле Ленька был небольшого роста, худенький. Он никогда не носил элегантных шуб, предпочитал кожаные куртки, фасонистые галифе и сапоги хорошего хрома, то есть одевался так, как все его бывшие коллеги по Псковской ЧК.

Когда-то похожие уголовные истории писал эмигрировавший в 1918 году известный в те годы беллетрист Н. Брешко-Брешковский.

Видимо, прежде чем стать следователем, гимназист Лева Шейнин зачитывался этими душераздирающими романами.

Элегантный бандит – герой двадцатых годов.

Когда я писал этот очерк, на экранах телевизоров появился многосерийный фильм «По прозвищу Барон».

И снова, как при НЭПе, его герой – элегантный и справедливый вор. Ну чем не Ленька Пантелеев в интерпретации Льва Шейнина?

Вот уж воистину: история повторяется сначала как трагедия, потом как фарс.

Даже криминальная история.

Король Молдаванки

Бывает же так: выходишь на улицу, и тебе сразу же везет. Я собирался купить новый номер журнала «Юность» с нашумевшей повестью Толи Гладиллина «Хроника времен Виктора Подгурского». Номер этот, несмотря на огромный тираж журнала, стал бестселлером, но у меня был добрый знакомый в книжно-журнальном киоске у кинотеатра «Центральный» на Пушкинской площади, он мне откладывал печатный дефицит.

«Юность» он достал из-под прилавка. Расплачиваясь, я пробежал глазами по витрине и сначала подумал, что мне это привиделось. Совершенно открыто под стеклом стоял недавно вышедший томик Исаака Бабеля.

После XX съезда КПСС к нам начали возвращаться некоторые реабилитированные авторы. Появление И. Бабеля вызвало в Москве подлинный бум.

В книжных магазинах выстраивались змееобразные очереди, чернокнижники на Кузнецком и в проезде Художественного театра заламывали за томик в сером переплете баснословные цены.

И вдруг искомая мною книга совершенно открыто стоит в обычном книжном ларьке. С богатой добычей я пошел вниз по Горького и решил зайти в «Националь» пообщаться с друзьями.

Обеденное время кончилось, и кафе было полупустым, только у окна сидел мой друг, ассистент кинорежиссера Лукова Леня Марягин, а с ним плотный крепенький мужичок в двубортном костюме стального цвета, Исаак Маркович Зайонц, знаменитый деятель с «Мосфильма». Когда-то он был директором картины «Веселые ребята».

Я поздоровался. Присел к ним за стол.

– Раздобыли Бабеля? – Зайонц взял в руки книгу. Ус мехнулся и начал ее листать. – Вот, послушайте откровения Реба Арье-Лейба.

И Зайонц звучно, по-актерски прочитал кусок из рассказа «Как это делалось в Одессе»:

«...Вам двадцать пять лет. Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле. А папаша у вас биндюжник Мендель Крик. О чем думает такой папаша? Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях – и ничего больше. Вы хотите жить, а он заставляет вас умирать двадцать раз на день. Что сделали бы вы на месте Бени Крика? Вы ничего бы не сделали. А он сделал. Поэтому он Король, а вы держите фигу в кармане».

Он прочитал, вернул мне книгу и сказал:

– Золотая проза, молодые люди. Сейчас никто так не напишет. А Беню Крика по кличке Король я знал. Вернее, его прототипа. Звали его Моисей Винницкий, а кличка у него была Мишка Япончик. Я тогда работал в Одесской ЧК и принимал участие в его ликвидации.

Так я впервые услышал о знаменитом одесском налетчике.

Я забыл об этом разговоре и вспомнил его через несколько лет, когда приехал в Одессу в командировку и между делом начал интересоваться судьбой Мишки Япончика.

Одесса. Ноябрь 1918 года.

Красных выбили гайдамаки. А их в свою очередь прогнали части Добровольческой армии. В городе царили хаос, разруха, бандитизм.

Одесса становится зоной французских интересов. Скоро, очень скоро в порт должны войти корабли с солдатами Иностранного легиона, сенегальскими стрелками и морской пехотой.

Но до этого в городе надо навести хоть приблизительный порядок. Нужен человек, который возглавит разрозненные подразделения белой армии, организует надежную оборону и покончит с бандитами и большевистским подпольем.

Французский консул Энно и знаменитый монархист Василий Шульгин находят такого человека.

Генерал-губернатором Одессы и командующим войсками становится человек с фамилией провинциального актера – Гришин-Алмазов.

Он – генерал-майор артиллерии. Ему тридцать восемь лет. За его плечами две войны – японская и мировая.

Офицеры-добровольцы впервые слышат о таком генерале. Они знают только командира мортирного дивизиона подполковника Гришина. Им неизвестно, что, внезапно став военным министром Сибирского эсеровского правительства, Гришин за несколько дней производит себя в полковники, а потом надевает генеральские погоны.

Он среднего роста, большеглаз, для офицера хорошо образован, решителен и жесток.

За несколько недель он объединяет разрозненные части, создает фронт и начинает наводить порядок в городе.

Круглые сутки по Одессе ходят офицерские патрули. Уголовников расстреливают на месте. Контрразведка вместе с вновь созданной полицией устраивает широкомасштабные облавы.

Однажды Гришин-Алмазов получает письмо. Король одесских налетчиков Мишка Япончик предлагает ему оставить уголовников в покое: «Мы не гайдамаки и не большевики» – и за это обещает не трогать белых офицеров.

У любой войны есть определенные правила. Но это не относится к гражданской. Она всегда порождает беспредел и кровь.

Я не читал этого письма. Но по архивам и воспоминаниям я хорошо представлял Гришина-Алмазова. Офицер, прошедший две неудачные войны, следовательно, человек предельно озлобленный.

После тюрьмы, в которую его упрятали большевики в семнадцатом году, после ожидания расстрела и побега, он ушел в подполье, где под псевдонимом Алмазов руководил офицерской боевой организацией.

Когда же против большевиков восстал чехословацкий корпус, он вместе с чешским капитаном Гайдой кроваво давил выступления большевиков в Новониколаевске, Челябинске

и Омске. В тридцать восемь лет он успел побывать военным министром в Омской эсеровской директории.

Гришин-Алмазов не щадил ни себя, ни, естественно, других. Это испугало либералов, и его убрали с поста военного министра. Его должность занял адмирал Колчак.

Гришин-Алмазов никогда не прощал обид. Вместе с атаманом Красильниковым и комендантом Омска полковником Волковым они участвуют в заговоре против эсеров и приводят Колчака к власти в Сибири.

Но сделал он это не ради легендарного адмирала, а стремясь отомстить председателю директории эсеру Авксентьеву и его правой руке Зензинову. При аресте их до полусмерти избили казаки Красильникова.

Он помогал свергать правительства, а тут вдруг – какой-то вор.

Безусловно, письмо короля Молдаванки он посчитал оскорблением своей офицерской чести и объявил Япончика личным врагом. Это был бесклассовый конфликт, разборка двух авантюристов.

Покушений на свою жизнь Гришин-Алмазов не боялся. У него был особый татарский конвой. Семьдесят кавалеристов поклялись на Коране в верности генералу.

Начальник контрразведки подполковник Бразуль получил точные указания, и его агента была четко сориентирована на выявление бандитских притонов и блат-хат.

Контрразведка – организация военная, она работала умело и четко.

Через неделю подполковник Бразуль положил на стол генерала рапорт. Были сформированы офицерские отряды. Переодетые в штатское добровольцы проникли на Молдаванку, окружили притоны и забросали их гранатами.

Погибло около пятидесяти бандитов, а сколько непричастных – никто не считал. Война, она и есть война.

Много позже большевистские газеты напишут об этом, как о карательной экспедиции в рабочие районы Одессы.

Но и Япончик не прощал обид. Его люди начали убивать офицеров. В основном окопников, вырвавшихся с фронта в веселую Одессу.

Тогда Бразуль разыскал трех оставшихся в живых опознавателей из почившей в бозе сыскной полиции. В те давние времена, когда не очень надеялись на фотографию и дактилоскопию, в летучих отрядах сыскной полиции служили чиновники с потрясающей зрительной памятью. Они присутствовали при допросах, проводили время в тюрьмах и на пересылках, запоминая лица преступников. Профессия эта в русском сыске считалась весьма почетной.

Вместе с офицерами опознаватели ходили по ресторанам, казино и варьете центра Одессы и выявляли бандитов.

Их немедленно расстреливали в ближайшей подворотне.

Бандиты Япончика покинули центр любимого города и затаились на Молдаванке, Пересыпи, Дальних Мельницах.

Грابتь банки и почты они начали в близлежащих городах.

На окраины добровольцы не лезли, там кроме бандитов были рабочие дружины, а в знаменитых катакомбах прятались красные партизаны.

Город поделили на сферы влияния.

Но белые недолго удерживали юг Украины, им пришлось оставить Одессу и отступить в сторону Новороссийска.

В город пришли красные. Заработали ЧК и уголовный розыск.

Перемена власти стала для Мишки Япончика трагедией. Он был не только налетчиком, но и стал удачливым коммерсантом.

Не правда ли, все повторяется?

Он владел рестораном-варьете «Монте-Карло» на Мясоедовской улице, дом номер 6, и лучшим в городе киноиллюзионом «Карсо» на Торговой.

У него были далеко идущие планы: покупка двух казино и Одесской кинофабрики.

Так все-таки кем был человек, с которого Бабель писал своего Беню Крика?

Для ответа на этот вопрос давайте посетим Запорожскую улицу на Молдаванке.

У этой улицы по сей день дурная слава. Издавна она была улицей воровских притонов, сомнительных пивных и грязных публичных домов.

Именно там 30 октября 1891 года в семье еврейского фургонщика Меера-Вольфа Мордковича Винницкого родился сын Мойше-Яков, которого потом запишут как Моисея Вольфовича Винницкого.

Когда ему исполнилось пять лет, умер отец-кормилец, и в десять лет мальчик пошел учеником в матрасную мастерскую.

Надо было помочь семье, он у Доры Зельмановны был пятым. Одновременно он посещал еврейскую школу и закончил четыре класса, то есть, по тем временам, получил начальное образование. Со свидетельством об окончании начальной школы человек мог сдать экзамены на первый классный чин, получить фуражку с кокардой и стать чиновником, мог пойти вольноопределяющимся в армию и держать испытания на прапорщика, пойти в телеграфисты или в полицию.

Мог бы, если бы не был евреем.

Поступить же в реальное училище Цукермана и получить среднее образование не было средств. И Мойша Винницкий в шестнадцать лет идет работать электриком на завод «Анатра». У него была перспектива стать мастером, неплохо зарабатывать, завести свою семью, но в жизнь вмешалась большая политика.

После постыдного поражения в японской войне под давлением общественности Николай II даровал манифест о гражданских свободах. Для юга Российской империи этот странный документ стал поводом для еврейских погромов.

«Черная сотня» благодаря царскому манифесту стала легальной организацией.

По Одессе тоже прокатилась волна еврейских погромов.

Молодежь Одессы, евреи, украинцы и русские, взяли в руки оружие и объединились в боевые дружины для борьбы с погромщиками.

Мойша вступил в отряд анархистов-террористов и с пистолетом в руках защищал Запорожскую улицу от черносотенцев.

Наконец полиция проснулась от недельной спячки и стала наводить порядок. В городе все утихло. Но Моисей Винницкий не вернулся на завод. Смолodu взяв в руки пистолет, он не расставался с ним до конца жизни.

Он считал себя не бандитом, а идейным борцом.

В их группе в основном была молодежь, бывшие гимназисты, студенты, рабочие. Национальный состав самый пестрый.

На борьбу с тиранией нужны были деньги. Поэтому группа поначалу обложила данью одесских коммерсантов.

Они производили экссы (экспроприации), врываются в богатые квартиры, вязали хозяев, забирали драгоценности и деньги.

Грань между эксом и обычным налетом постепенно размывалась. Ведь деньги можно просто поделить, чтобы каждый революционер не испытывал материальных трудностей.

Моисей Винницкий был смуглым, широкоскулым, с раскосыми глазами. Поэтому в своей группе, именовавшейся «Молодая воля», он получил кличку Япончик. А имя Моисей отпало само собой, и он становится анархистом-боевиком Мишкой Япончиком.

В 1907 году Мишка Япончик руководит налетом на мучную торговлю Ландберга. Пришлось пострелять в воздух, но зато улов был неплохим.

Следующий налет был на квартиру ювелира Ланфера в октябре того же года. Здесь взяли очень много. Как говорят налетчики: «Ушли тяжелые».

Винницким занималась не только сыскная полиция, но и охранное отделение. Он был для политической полиции не просто налетчиком – анархистом-террористом.

Его арестовали там, где Япончик меньше всего ожидал, – в самом шикарном публичном доме Одессы. Мишка Япончик, как, впрочем, и другие уголовники, ходил сюда совершенно спокойно.

Хозяйка дома, мадам Мозес, исправно платила полиции большие деньги, и та не только оберегала ее от налетов, но и сама не мешала гостям веселиться.

В декабре 1907 года охранному отделению стало известно, в какой день в публичный дом придет один из руководителей боевой организации эсеров.

Облава была неожиданной и проведена жестко. Мадам Мозес опомниться не успела, как в доме появились холодновато-вежливые жандармские офицеры, филеры в штатском и чиновники охраны. Один из филеров случайно опознал среди гостей Мишку Япончика.

Второго апреля 1908 года окружной одесский суд вынес свой приговор: Моисей Винницкий был лишен всех прав и состояния и отправлен на каторжные работы в Сибирь на двенадцать лет.

Пришлось Мишке Япончику сменить лазоревый пиджак из мануфактуры Френкеля на полосатую куртку с бубновым тузом на спине.

На каторгу он попал как политический, но крепко сошелся с уголовниками – вместе с ним тянули срок несколько знаменитых московских налетчиков.

Но грянул семнадцатый. И министр-председатель Керенский объявил всеобщую амнистию. Мишка Япончик на свободе. Он приезжает в Москву к своим друзьям по каторге. Зачем – неизвестно. Никаких данных об этом в архиве уголовно-разыскной милиции Москвы нет.

В Москве Япончик задержался ненадолго.

Домой! Домой! Скорее в милую Одессу.

Домой приехал не мальчик-анархист, а каторжанин, воровской «иван».

Из старых подельников и фартовых ребяташек он сколачивает банду.

А в это время в городе идут бесконечные бои между гайдамаками и белыми.

Пользуясь неразберихой, банда Япончика берет на Ближних Мельницах почтовое отделение. Куш приличный, но все же меньше, чем ожидалось.

Тогда Мишка Япончик планирует налет на румынский игорный клуб.

Бандиты одеваются в матросскую форму, ее Япончик одалживает у знакомого анархиста на вещевом складе Черноморского флота. На бандитах бескозырки с надписями «Ростислав» и «Алмаз». Они врываются в клуб в самый разгар игры и «именем революции» забирают сто тысяч, после этого изымают у посетителей драгоценностей и денег еще на двести тысяч.

Эта операция наделала в Одессе много шума.

Даже песня появилась:

«Ростислав» и «Алмаз», за Республику,
Наш девиз боевой – резать публику...

Все налеты остаются без последствий. В Одессе некому бороться с бандитами. Полиции как таковой не существует. Милиция, создаваемая каждой новой властью, непрофессиональна и бессильна.

Город постоянно переходит из рук в руки, властям не до уголовников. Решаются вопросы политические. Мишка Япончик умело сглаживает различные банды. Главари их, такие авторитетные, как Цыган, гибнут в разборках, а Япончик постепенно берет под свой контроль все одесские окраины.

Он первым создает воровской общак и становится его казначеем. Деньги, полученные от налетов, он не прогуливает, как раньше, в кабаках, а вкладывает в дело.

Он держит одесскую барахолку, торгует «живым товаром» и наркотиками.

Но вместе с тем он не прерывает своих старых контактов с анархистами, дает оружие большевикам-подпольщикам, малую толику награбленных денег раздает в рабочих кварталах.

Делает он это не от горячей любви к революционерам, а на всякий случай. Слишком уж часто меняется власть в городе.

И он оказался прав. В 1919 году в Одессу входят части Красной армии, чтобы остаться в ней навсегда.

Военное положение под Одессой очень сложное, к городу рвутся петлюровцы, деникинцы наступают со стороны Новороссийска, окрестные уезды горят в пламени восстаний.

Япончик приходит в особый отдел 3-й армии и предлагает организовать особую часть из одесских «борцов за свободу», то бишь бандитов.

Время было тяжелое. Каждый штык мог оказать неоценимую помощь.

Япончика поддержал руководитель Одесской ЧК знаменитый Реденс, который покровительствовал королю Молдаванки.

Что связывало одесского бандита и будущего свояка Сталина, впоследствии начальника Московского управления НКВД, неизвестно.

Но факт остается фактом. Реденс поручился за Япончика.

Мишке Япончику разрешают сформировать батальон особого назначения.

Но формирование новой воинской части шло настолько успешно, что батальон был переименован в 54-й имени Ленина советский стрелковый полк 3-й армии.

Командиром полка был назначен Моисей Винницкий, комиссаром – Александр Фельдман, бывший анархист.

Перед отправкой на фронт полк прошел парадным маршем по улицам Одессы. Его командиру военком города вручил серебряное революционное оружие.

Полк состоял из трех батальонов. Два из них были сформированы из добровольцев – одесских налетчиков.

В июле полк прибыл в распоряжение штаба 4-й дивизии, которой командовал Иона Якир.

В первом бою одесские бандиты показали себя с хорошей стороны. Они лихо забросали гранатами петлюровские окопы и выбили самостийников с позиции. Но противник подтянул артиллерию и после короткого обстрела вернул занятые позиции.

Налетчикам война не понравилась. Одно дело – грабить безоружных и вступать в перестрелки с уголовкой, и совсем другое – сидеть в окопах под обстрелом трехдюймовок.

Часть бандитов бросила позиции и решила самостоятельно добираться до Одессы, а другая часть сподвижников Япончика начала митинговать и угрожать командованию.

Чем это кончилось, свидетельствует архивный документ. Автор его не очень разбирался в воровских кликухах, поэтому кое-что перепутал.

«Одесскому окружному комиссару по военным делам.

Доклад.

4-го сего августа 1919 года я получил распоряжение со станции Помошная от командующего внутренним фронтом т. Кругляка задержать до особого распоряжения прибывающего с эшелоном командира 54-го стрелкового Советского Украинского полка Митьку Японца.

Во исполнение поручения я тотчас же отправился на станцию Вознесенск с отрядом кавалеристов Воскресенского отдельного кавалерийского дивизиона и командиром названного дивизиона т. Урсуловым, где распорядился расстановкой кавалеристов в указанных местах и стал ожидать прибытия эшелона.

Ожидаемый эшелон был остановлен за семафором. К остановленному эшелону я пришел совместно с военруком, секретарем и командиром дивизиона и потребовал немедленной явки ко мне Митьки Японца, что и было исполнено.

По прибытии Японца я объявил его арестованным и потребовал у него оружие, но он сдать оружие отказался, после чего я приказал отобрать оружие силой.

В это время, когда было приступлено к обезоруживанию, Японец пытался бежать, оказал сопротивление, ввиду чего был убит, выстрелом из револьвера, командиром дивизиона.

Отряд Японца, в числе 116 человек, арестован и отправлен под конвоем на работу в огородную организацию.

Уездвоенком *М. Синюков*».

Видимо, «огородная организация» в те годы была еще одним синонимом расстрела.

Константин Паустовский в своей книге «Повесть о жизни» писал, как Бабель поселился на Молдаванке в квартире наводчика Цыреса.

Бандиты не очень приветливо встретили появление этого «фраера». Но все же Бабеля не трогали. Бог с ним, пусть собирает свой молдаванский фольклор. Тем более что он уже был известным литератором и дружил с «босаяцким писателем» Максимом Горьким.

Несколько месяцев прожил Исаак Бабель в самом центре одесского бандитизма. После того как бандиты убили Цыреса за «туфтовую» наводку, Бабель вернулся домой, собрав материал для «Одесских рассказов».

Так родился Бенья Крик.

* * *

В 1926 году по сценарию Бабеля на Одесской кинофабрике режиссером Владимиром Вильнером был снят фильм «Бенья Крик», в основу которого писатель положил судьбу Моисея Винницкого.

У фильма была короткая жизнь. Несмотря на столпотворение у кинотеатров, он был запрещен лично Лазарем Кагановичем.

Прошло шестьдесят лет, и на экране опять появился Бенья Крик.

Вот он стоит у отцовской конюшни, элегантный и красивый. И мы не можем понять, кто это, Максим Леонидов или знаменитый Мишка Япончик, ставший по воле писателя Беньей Криком.

Прошли годы, в них затерялись имена комиссаров и чекистов, а Моисей Винницкий продолжает жить под литературным псевдонимом.

Я хочу привести еще одну цитату из рассказа «Как это делалось в Одессе»:

«— Господа и дамы, — сказал Бенья Крик, — господа и дамы, — сказал он, и солнце встало над его головой, как часовой с ружьем».

Бессмертен талант. А поэтому бессмертен герой, созданный им. Даже если его прототипом стал кровавый бандит Мишка Япончик.

Глава 3 Прогулки в прошлое

Рассвет в дюнах

Мимо меня к памятнику свободы шла колонна пожилых людей. Толпа на тротуаре встречала их радостными криками, цветами. Трещали на ветру бумажные национальные флажки.

К памятнику Латвии, держащей в поднятых руках три звезды, двигались бывшие эсэсовцы латышского легиона и оставшиеся в живых бойцы национального сопротивления, именуемые в просторечии «лесными братьями».

Я смотрел на их отрешенно-счастливые лица, на радость толпы на тротуарах, и мне казалось, что я попал на съемку очередного фильма из заграничной жизни, которые режиссеры нашей страны любили снимать в Прибалтике.

Но это была не съемка, а жестокая реальность на улицах Риги. Мимо меня проходили не старики из массовки, а бывшие «лесные братья».

Я стоял, смотрел на них и не мог понять, как мне относиться к ним. Одно я знал точно: Прибалтика, которую я так любил раньше, исчезла для меня навсегда.

Мимо меня шли реальные персонажи моих повестей и сценариев. Люди, которые в далеких сороковых ранили моего друга Игоря Скорина и оставили памятную зарубку моему дяде.

А на тротуарах надрывались от радости молодые ребята в каких-то форменных фуражках. Они что-то скандировали грозно и пугающе.

Независимая Латвия переживала повторный процесс национального возрождения.

* * *

...Когда становилось совсем немого от суетной столичной жизни, я уезжал работать в Соукрасты. Есть такое прелестное тихое место под Ригой, рядом с Эстонией.

Я засыпал под шум прибоя. В открытое окно залетал ветерок и приносил запахи хвои и морской воды. А рано утром меня будили птицы.

Так я жил на берегу моря, постепенно отходя от московской жизни. От редакционной суеты, ночных споров в ресторане ВТО, личных проблем.

В этот приезд мне немыслимо повезло. Старые опера, работавшие с Игорем Скориним, дали мне потрясающий материал по банде Любиня.

В 1948 году рижские уголовники переоделись в старое военное шматье и начали грабить сберкассы, банки, инкассаторов и ювелирные магазины.

После каждого налета они писали «Смерть комиссарам» и «Да здравствует свободная Латвия» и ставили подпись «*Капитан Гром*».

Взяв деньги, новоявленные «лесные братья» на конспиративной квартире в городке Пабожи переодевались в отличные, сшитые у лучших портных костюмы, спокойно садились на электричку и ехали домой в Ригу, где проматывали деньги в роскошных кабаках. И жизнь вели вполне светскую и рассеянную.

Расчет был предельно точным. Отдел по борьбе с бандитизмом угрозыска республики и оперативники МГБ тратили все силы, разыскивая новую лесную банду. Им не приходило в голову, что это дело рук обычных уголовников.

Грабители жили вполне легально, числились грузчиками и сторожами, а Рижский угрозыск знал их как вполне авторитетных домушников, майданщиков и щипачей, весьма далеких от политики.

Они воровали при Ульманисе, занимались своим делом в короткий промежуток воссоединения с СССР, продолжали его и при немцах.

И вот одному из них пришла в голову блестящая идея стать «лесными братьями» и под их марку грабить сберкассы и ювелирные магазины.

Но ушлые рижские уголовники забыли, что националистическое подполье оставалось еще весьма сильным. И одним из его руководителей был капитан Чеверс под псевдонимом капитан Роял.

Он-то, как никто, знал, что никакого отряда «капитана Грома» не существует. И именно люди Чеверса начали охоту за новоявленными «братьями».

Националистическому подполью незачем было грабить сберкассы, отнимать деньги у инкассаторов и брать ювелирные магазины. Деньги они получали по другим каналам. Их сбрасывали с самолета, резидентура западных спецслужб через своих агентов отправляла в обычных чемоданах, которые оставлялись в камерах хранения на рижском вокзале. Был еще знаменитый неуловимый катер по кличке «Тень сатаны», который ночью врвался в наши территориальные воды и сбрасывал груз рыбакам.

Банда Любиня подрывала авторитет подполья, ставила его в один ряд с уголовниками.

И что самое интересное, националисты вышли на след предприимчивых уголовников. Двоих они прикончили, а остальным пришлось покинуть страну копченого угря и взбитых сливок и затеряться в беспредельных просторах России.

Я работал над этим материалом, точно зная, что если я напишу повесть, то ее наверняка зарубят в пресс-службах КГБ и МВД.

Сделаю небольшое отступление. Через десять лет я рассказал эту историю моему другу кинорежиссеру Алоизу Бренчу. Он сразу же предложил мне написать сценарий. Но тогда он снимал киноэпопею «Долгая дорога в дюнах», а потом приступил к работе над фильмом «Двойной капкан». И когда дело дошло до моего сценария, который уже практически был принят, грянуло национальное возрождение. И те поправки, которые нам предложило сделать новое руководство Рижской киностудии, никак не вписывались в наше понимание истории Латвии.

Итак, я работал над явно непроходным материалом. Придумывал ходы, пытаюсь найти в этой уголовной истории признаки оперативной комбинации ОББ. Работал не напрягаясь, так как прямо под моими окнами был замечательный пляж и мое любимое прохладное море.

Но все же мне пришлось поехать в Ригу. Издательство «Лиесма» прислало телеграмму, где сообщало, что я могу получить деньги за переиздание моей книги.

Я приехал в Ригу, получил причитающуюся мне сумму и отправился на вокзал. Но у гостиницы «Рига» был взят в плен целой бригадой московских приятелей, среди которых был мой друг киноактер Валя Кулик: в Риге режиссер Толя Бобровский снимал бессмертное кинополотно «Возвращение святого Луки».

Конечно, мы сразу очутились в гостиничном ресторане, а потом решили ехать ко мне жарить шашлыки.

Мы неплохо погуляли, потревожив веселыми криками патриархальную тишину курортного поселка. Но счастье тоже не бесконечно. Все уехали, а Валя Кулик немного перебрал и остался у меня ночевать.

Проснулся я от странного стога. Зажег свет и увидел Валью Кулика синюшно-мертвенного цвета.

– Похмелиться есть? – спросил он. Я внимательно оглядел его и понял, что дело плохо.

В бутылках после вчерашнего что-то оставалось, но, выйдя на крыльцо, я с ужасом обнаружил, что аккуратная хозяйка все из них вылила и приготовила под наливку. Дело было хуже некуда.

– Валя, пойдем к морю, – предложил я.

– Зачем? – простонал мой друг.

– Подойдем к ресторану, может, у сторожа чего спросим.

Над поселком поднимался рассвет. Мы шли вдоль берега моря, ближе к дюнам, и вдруг Валя крикнул:

– Смотри!

На песке лежал труп. Рука его была неестественно вывернута, голова закинута. Я почему-то запомнил окурочек, прилипший к новенькой подошве ботинка. И вообще, покойник был одет во все новое.

Я подошел, наклонился к нему. Труп сел и, не открывая глаз, сказал:

– Малыцы, выпить есть?

Потом он, как гоголевский Вий, поднял веки и, дыхнув на меня перегаром, спросил:

– Я где?

– На пляже, рядом с рестораном.

– А ресторан открыт?

– Еще пяти нет.

– А деньги у тебя есть?

– Возможно, – таинственно сказал я.

– Пошли.

– Куда?

– К Промкомбинату, там у меня братан сторож. Через весь поселок, под стоны артиста Кулика мы вы двинулись в лес к Промкомбинату.

Человек во всем новом взял деньги и исчез в воротах. За ними, как потом выяснилось, находились цех по производству местного плодово-ягодного вина и замечательное колбасное производство.

Наш проводник появился минут через десять. Приволок три здоровенные бутылки, круг свежей колбасы и стаканы.

Увидев такую роскошь, Валя наконец перестал стонать.

Ну а дальше все было как обычно.

– Послушай, – спросил я нашего нового друга после второй, – ты что, на свадьбе был? Одет во все новое.

– Нет, – сказал он, – кстати, меня Андрес зовут, я освободился из лагеря и вчера свой приезд отмечал.

– Долго чалился?

Андрес усмехнулся и достал из внутреннего кармана справку об освобождении.

Срок двадцать пять лет. Статьи 58-2 и 59-3.

– Так, значит, ты «лесной брат»? – удивился я.

– Вроде того, а вы кто?

– Мы из кино. Я сценарист, мой друг актер.

И тут наступил звездный час Вали Кулика.

– Я тебя узнал, – сказал Андрес, – ты в «Деле „пестрых“» играл, мы эту картину на зоне раз сорок смотрели.

По случаю слияния бывших зэков с деятелями культуры взяли еще пару бутылок.

Я хотел расспросить его, но Кулика уже остановить было невозможно, он рассказывал своему спасителю о фильме «Дело „пестрых“».

Наконец мы двинулись в поселок.

- Видишь тот кирпичный дом? – спросил Кулика Андрес.
- Да.
- Так вот здесь я секретаря райкома пришел.
- Как? – ахнул нежный душой Валя.
- Из вальтера.

И внезапно пропал добрый алкаш. Лицо человека из дюн стало холодным и резким, а глаза смотрели на нас, как два пистолетных ствола.

- Андрес, давай увидимся, – предложил я, – посидим, поговорим.

– Не о чем, малыцы, нам с вами разговаривать. За компанию спасибо, а теперь разбежались.

Он повернулся и пошел. Это был уже не жалкий алкаш, найденный в дюнах. От нас уходил твердой походкой хозяина человек с по-военному прямой спиной.

- Господи, – глядя ему вслед, вздохнул Валя Кулик, – с кем похмеляться приходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.